

РУССКАЯ МЕЧТА

Г. Прашкевич А. Богдан

Геннадий Прашкевич

Русская мечта

«Автор»

Прашкевич Г. М.

Русская мечта / Г. М. Прашкевич — «Автор»,

«Это в Америке можно начать с чистки обуви и заработать миллион. Американская мечта называется. А у нас?... Неужели теперь разрешат зарабатывать людям? Я бы Ляльке купил бронепоезд. Чего ему стоять на запасном пути?» Остросюжетная повесть Г.Прашкевича и А.Богдана – четвертая в серии книг о становлении местечкового российского капитализма. Первые три: «Противогазы для Саддама», «Человек Чубайса», «Пятый сон Веры Павловны» выходили в издательствах «Вагриус» (Москва), «Мангазея» (Новосибирск), «Свиньин и сыновья» (Новосибирск – Томск).

© Прашкевич Г. М.

© Автор

Содержание

Часть I. Вокруг «бассейна»	7
Глава I	7
1	7
2	8
3	9
4	11
5	12
6	14
7	14
Отступление первое. Мечта	18
1	18
2	19
3	20
4	21
5	22
6	23
7	25
Глава II	27
1	27
2	27
3	29
4	31
5	32
6	33
Отступление второе. Конец света	35
1	35
2	35
3	36
4	37
5	38
6	39
7	39
8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Геннадий Прашкевич, Александр Богдан Русская мечта

Катерина вздрогнула.

В бизнес-класс втолкнули Кошкина.

Лицо у него было разбито. Кровь скопилась в уголках губ, капала на дорожку под ногами. Кошкин неаккуратно сморкался и прикладывал к разбитым губам носовой платок, почерневший от крови.

– К вам... К вам...

Кошкина подталкивала мужская рука.

Упав в кресло под иллюминатором, Кошкин увидел фляжку с коньяком, неосторожно оставленную американцем на столике, и одним махом опростал ее. И отключился. А человек, втолкнувший Кошкина в салон, пожаловался: «Совсем забодал, козел! Одни травкой гасятся, другие выпивкой, а этот что удумал! – И показал, что удумал этот: звучно похлопал себя ладошкой по голой лысине. – Ну совсем испорченный пассажир».

И вдруг до Катерины дошло: это же тот толстяк, что наступил ей на ногу в накопителе, и не извинился! И до Павлика дошло: это же тот самый фэтсоу, которого он окрестил Пахомычем. Только американец смотрел на странного гостя с непониманием. В России все быстро происходит, подумал он. Мазер факеры. Почему в России все так быстро происходит?

Но на Катерину американец смотрел с восторгом и с ужасом.

Такой женщине просто так не предложишь дэйт, такую женщину нужно носить на руках. Поистине все в России неправильно.

– Ну, совсем забодал, – сердито отдул толстую губу лысый фэтсоу (он, понятно, имел в виду Кошкина). – Все Пахомыч да Пахомыч! А какой я ему Пахомыч? – пояснил он, нехорошо глядя на Павлика. – Никакой я не Пахомыч, а вовсе Романыч. А этот подойдет, пошлепает по лысине ладошкой, будто я лох. Пахомыч, говорит.

И спросил:

– Кто отнесет записку?

Первым ситуацию просек американец.

С небольшим опозданием, но он первым учуял темную опасность, исходящую от лысого толстяка. Серьезную опасность. Настоящую. Раздутый живот под широким пиджаком... И правый карман оттопыривается...

Впрочем, в кармане лысого оказались сигареты.

Скользнув невыразительным взглядом по напряженным лицам, фэтсоу неторопливо раскурил дешевую вонючую сигарету.

– Хотите кофе? – спросил американец.

Предупредительность к пассажирам такого толка выработалась в нем еще в юные годы.

Романыч не ответил.

Сперва выпустил из ноздрей вонючий дым, брезгливо глянул на Катерину, только потом на Павлика:

– Куда летим?

– То есть, как это куда? – занервничал Павлик. – В Ганновер.

– И баба туда же?

– И баба.

– И ты? – спросил Романыч американца.

– А что? Есть выбор?

Романыч не ответил.

Мрачно курил. Столбик пепла упал на дорожку.

Наконец как бы очнулся и презрительно сунул окурок в пепельницу подлокотника. Оттуда еще долго тянуло дешевым дымом. С той же непонятной брезгливостью уставился на Катерину, но выбрал американца. «Передашь записку». Подумав, пояснил: «Бабам передашь, стюардессам. Жрут кофий за занавеской. Скажешь, у меня справедливые требования. А то самолет разнесу в пыль».

Произнося эти короткие, ужасные слова, Романыч как бы ненароком расстегнул широкий серый пиджак. Полы разошлись и все увидели, что полнота лысого фэтсоу в большой степени искусственная: живот был охвачен кожаным поясом, из специального кармана торчала ручка с кольцом – может, граната. И торчали какие-то подозрительные цилиндры и трубки, опутанные цветными проводами. И убедительно мигала на поясе зеленая лампочка.

Часть I. Вокруг «бассейна»

Это кот в сапогах, это барселонский мир между Карлом V и Климентом VII, это паровоз, это цветущее миндальное дерево, это морской конек, но, перевернув страницу, Алессандро, ты увидишь деньги;

это спутники Юпитера, это автострада Солнца, это классная доска, это первый том «Poetae Latini Aevi Carolini», это ботинки, это ложь, это афинская школа, это сливочное масло, это открытка, которую я получил сегодня из Финляндии, это аборт, но, перевернув страницу, Алессандро, ты увидишь деньги;

вот это деньги, а это генералы с их пулеметами, а это кладбища с их могилками, а это банки с их сейфами, а это учебники истории с их историями, но, перевернув страницу, Алессандро, ты ничего не увидишь. Эдоардо Сангвинетти в переводе Александра Карпицкого

Глава I Пьяный юрист Июль, 1999

1

Семин проснулся без пяти пять.

Не звонил будильник, никто не стучал в дверь, утреннюю тишину ничто не нарушало. Семин, Семин, сказал он себе, спи. Он действительно не собирался вставать, но как подтолкнуло: поднялся, выловил из холодильника пластмассовую бутылку с «Карачинской», подошел к окну.

Город лежал в нежной рассветной дымке.

Драная бумага, окурки, обрывки тряпья, радужные потеки на вспученном, полопавшемся асфальте, банановая кожура – много там всего под туманной дымкой. Большая река катилась между островами к тяжелым мостам. Семин прекрасно знал, сколько мусора на улицах города. Он и сам всю жизнь занимался мусором – живым. Это у Петра Анатольевича другие представления о жизни. Не случайно поинтересовался:

«Слетал в Лозанну?»

«Не успел».

«Тогда бросай все и бери билет».

«В Лозанну?»

Большой человек хохотнул.

«Кстати, почему Лозанна? – хохотнул. – Ну, понимаю, Женева. Банки, живая жизнь. Цюрих, ленинские места. – Снова довольный хохоток. – А Лозанна – деревня. Кто пойдет в твою гостиницу? Да и не тянет она на пять звездочек...»

И сразу коротко: «В Энке давно был?»

«Ну, не так чтобы...»

«Где сейчас твои люди?»

«Собрать?»

«Ты, кажется, водный кончал? – Большого человека свои мысли томили. – Значит, дело по твоей бывшей профессии. Поработаешь с одним дельным юристом. Он приедет в Энка из Томска. В Энке вокруг ОАО „Бассейн“ возня началась. Река, понимаешь, вдруг всем стала нужна. А мы не в стороне, нам нельзя упустить реку. Просьба энергетиков. У них там хорошие перспективы. Так что разберись на месте. Документы и все прочее – у юриста. Элим – такое имя. *Немой*, если по-еврейски».

2

Элим позвонил ночью.

Плохим голосом пожаловался: надоело ждать.

С укором говорил бессвязные вещи. Видно, что хорошо поддал. Семин даже пожалел юриста: «Не извиняйся. Ну, пришлось ждать. Я здесь не при чем – рейс задержали».

Разглядывая бесплотную дымку, укрывающую город, не чувствовал никакого умиления. Ничего в городе, наверное, не изменилось. Пыльные переулки, частный сектор по глинистому берегу, вечный запах угара (он тревожно потянул носом), пух тополей... Низкие плоские острова, распустившие по течению перья песчаных кос... Крошечные (издали) лодки, буксир, разворачивающийся от моста...

Бросив сигарету, потянул носом.

Ну, точно. Тянуло угаром. Не шашлычным дымком, не влажным угольным дымом, а настоящим ядовитым угаром. Наверное, неподалеку пузырился лак на раскаленных панелях, оплывал вялый жгучий пластик. Семин явственно услышал треск и тут же (показалось?) приглушенный вскрик: хриплый, сорванный. Даже если показалось, от таких вскриков передергивает. Бросил бутылку на пол и торопливо натянул джинсы. Документы и электронная записная книжка – в один карман, сотовый – в другой. Набрасывая рубашку, глянул в окно: ну, точно, вот оно! – из-за южной стены гостиницы празднично выносило клубы дыма.

Крик повторился.

Семин приоткрыл и сразу захлопнул дверь.

Длинный гостиничный коридор затопило дымом, густые темные клубы мощно выдавливали с лестничной площадки, из шахты лифта. Нырять в эту клубящуюся черную неизвестность не хотелось, но крик повторился.

Сорвав с окна гардину, Семин вооружился ею как пикой.

Теперь мокрое полотенце – на голову. Арабы под такими покрывалами выдерживают жгучие песчаные бури. Вывалившись в коридор, бросился к застрявшему на этаже лифту. Металлические створки заклинило, но теперь Семин слышал возню и всхлипывания оказавшегося в ловушке человека. Орудя гардиной, как ломиком, раздвинул створки, и буквально на руки Семину выпала полуголая девица. Кофточкой она догадалась обмотать голову, а лифчиков, наверное, сроду не носила. Неизвестно, сколько времени она провела в лифте, может, совсем немного, но этого хватило: даже глаза у девицы выцвели от страха.

Гостиничная проститутка, решил Семин. Какой-то дятел ее на маршруте поставил.

Хрипя, кашляя, отплевываясь, в номере девица сразу вбежала в ванную, и Семин услышал плеск, значит, воду не отключили. В неширокую щель под плотно прикрытой дверью,

нехорошо клубясь, втягивались струйки мерзкого дыма, а за окном все шире и шире распускался еще более мерзкий, праздничный, черный шлейф. В самом конце коридора, прикинул Семин, трехкомнатный люкс. Огонь до него дойдет не сразу, это северная сторона, а ветер как раз с севера. Может, там отсидимся? Повел взглядом по стене, но вместо схемы аварийных выходов увидел веселое художественное полотно, выполненное местным умельцем.

«Ходоки до Музы».

Семеро крепких бурлаков.

На ногах – разбитые кроссовки, на плечах – футболки; застиранные, линялые, надорванные на коленях джинсы. Широкие лямки через грудь, через натруженные плеча. Какой Музы можно добиваться ценой столь тяжелого труда? И кто эта Муза? Продавщица сельмага? Держательница пивного ларька? Самогонщица?

– Скоро вы там?

Девушка не ответила.

Семин заглянул в ванную.

Неяркий свет горел, звенела вода. Девушка, как лягушка, сидела в ванне под включенным душем. Молитвенно сложила руки. На красивый живот падали прозрачные струйки. Вода заливала загорелые плечи, ровно обегала груди, вызывая торчащие в стороны, струилась по локтям. Почему-то это разлило Семину. Он бросил в воду валяющуюся на полу юбку:

– Одевайтесь!

– Вы что? Юбка стоит двести баксов!

– А это на голову, – бросил он туда же в воду махровое полотенце. – А то волосы спалите.

Как зовут?

– Мария.

– Быстрей!

Как это ни странно, на девушку хотелось смотреть.

– Сейчас мы выскочим в коридор. Без раздумий. Наберите полную грудь воздуха. Не останавливайтесь, а то потеряемся в дыму. Бегите за мной в конец коридора.

Несколько запоздало девушка прикрыла груди руками:

– У вас найдется рубашка?

– Накиньте на голову полотенце. Смочите его. Сильней смочите. Дышите через ткань. И к черту туфли! Они же на каблуках.

3

В коридоре было темно, страшно.

Когда наконец в клубящемся дыму возникла дверь, Семин, не раздумывая, саданул ее плечом и втолкнул Марию в номер. Захлопнув дверь, увидел просторную гостиную, ковер на полу. У стены – горка с хрусталем. Белый холодильник, огромное окно. А за круглым лакированным столом – трое.

Грохот выбитой двери не произвел на них впечатления.

Ни Семин, ни полуголая Мария игровых не заинтересовали. Все трое смотрели в развернутые веером карты. Каждый в свои, понятно. На столе валялись мятые баксы, стояла початая бутылка «Аралата», рюмки. «Помоги мне», – крикнул Семин Марии, но она, как подхваченная вихрем, уже исчезла в ванной. Рубашкой, сорванной с чужой вешалки, Семин торопливо законопатил щель под входной дверью и бросился в ванную. Подставляя лицо под струи душа, закашлялся. Мария выплюнула копоть изо рта:

– Мы сгорим?

– Какой смысл думать об этом?

– Но я не хочу! Не хочу! Здесь наверное есть балкон?

– В высотных гостиницах не бывает балконов.

– Почему?

– Чтобы пьяные проститутки не сбрасывали клиентов вниз.

– Я не проститутка, – испугалась Мария. Мокрая, в мокрой юбке, с налипшими на лоб прядями. Испуг разжег на щеках диковатый румянец. – Кто эти люди в номере?

– Какие-то картежники.

Семину одинаково противными казались сейчас и страх Марии, и неестественное равнодушие игроков.

– Почему они молчат?

Он не ответил, и Мария схватила его за руку.

– Я боюсь... Если что-то случится... Позвоните, пожалуйста... Я дам телефон мамы...

– Сами позвоните.

– Я боюсь...

Он почувствовал, как что-то влажное прошло по голой руке.

Вырвал руку, вышел в гостиную. Никто на него не взглянул, а телефон не работал.

– Я звоню из речной гостиницы, – сказал он, набрав справочную. – Звоню с сотового, гостиничная линия не работает. Никак не могу связаться с пожарными. – Он внимательно смотрел в глубокий провал гостиничного двора. – Да, пожар у нас, черт возьми! Это вы не видите, зато весь город видит! Я на седьмом этаже, мы отрезаны от выходов. Огонь до нас пока не дошел, но это вопрос времени. Да не один я! Человек пять, может, больше. Не знаю, – оглянулся он на закаменевших игроков: – Да нет, сами не выйдем. Подгоните машину с лестницей под окно. Это панельное здание, до седьмого этажа лестница может и дотянется.

Под Солнцем, поднявшимся над рекой, нежная сиреневая дымка начала заметно бледнеть, рассасываться. Как на черно-белой фотографии проявились на той стороне реки смутные корпуса областной больницы, черные трубы, серый берег, облепленный зелеными кустами. Правда, теперь и на северную сторону заносило клочья дыма. А в глубоком квадрате двора, заставленного по периметру коммерческими киосками, были видны с воем разворачиваются пожарные машины, а рядом на реке страшно и коротко взлаивает буксир.

– Сколько время?

Игрок с голубыми глазами, русский, худощавый, в желтой спортивной футболке, обильно пропитанной потом, даже не обернулся. Другой – мрачный, потный, подбородок в неопрятной щетине («Мишка!» – сердито окликнул его голубоглазый), сопел и пучил глаза. Из рта торчала погасшая сигара. Третий весело косил черным глазом. Казалось, ситуация его веселит. Круглая голова начисто выбрита, несколько локонов, как веночек, окружали лысину. Подбородок в щетине – последний писк моды. Глаза наглые, первоклассный костюм, дорогой галстук. Весь он блестел – от пота и от избытка жизненных сил.

– Сколько время?

Мрачный скосил глаза на наручные часы.

Отвечать он явно не собирался. Но автоматически брякнул:

– Шесть...

– Пас! – тут же счастливо завопил голубоглазый, бросая карты. А бритый рывкнул так, что Мария в ванной громко заплакала: – Вист!

И тоже бросил карты на стол:

– Ну, блин, накурили!

– Гостиница горит, – сухо сообщил Семин.

– Ну? – бритый весело глянул в окно. – Точно!

А мрачный Мишка скривился:

– Откуда телка?

– Вынул из лифта.

– А чего сразу к нам?

Семина не ответил. Этот мрачный Мишка, наверное, и снимал номер. После бессонной ночи и крупного проигрыша жизнь ему страшно разонравилась. Похоже, он всех напрочь разлюбил. Чертыхаясь, потянул через голову потную рубашку:

– Хочу...

Семина ухмыльнулся:

– Куннилингус? Давлинг? Петтинг?

Мрачный Мишка выпучил глаза. Нуждался в разрядке, а кроме коньяка на доньшке бутылки и голой телки под душем, ничего не видел. Вот и брякнул насчет хотения. Похоже, в дым проигрался. Бросил на пол потную рубашку, стараясь не глядеть на бритоголового, стребующего со стола купюры, хмуро поинтересовался:

– Проститутка?

– Не успел выяснить.

– Да проститутка, кто еще? – Мишка выпятил челюсть: – В самый раз. У меня тут полная сумка гондонов.

– Этой уже хватит любви.

Семина твердо встал в дверях ванной.

Всей спиной он чувствовал безумный испуг Марии. Это его злило.

Он никак не мог понять, что Марию больше пугает: этот агрессивный мрачный самец с полной сумкой гондонов (сквозь приоткрытую дверь Мария явно слышала каждое слово) или угар, уже всасывающийся в номер.

– Тебя не спрашивают, – мрачно заявил Мишка. – Ты вообще мне не нравишься!

– А в Конституции нет такой статьи, чтобы тебе нравиться.

Мрачный шагнул к Семину.

И зря, зря.

Конечно зря.

Короткий удар, почти без взмаха.

Мишка, охнув, осел на ковер. Даже не вскрикнул, не выругался, только охнул.

– За что ты его так? – удивился русский.

– А за что нужно?

4

От врача Семина отказался.

Отплевавшись, откашлявшись, устроился в открытом кафе на набережной, метрах в двухстах от гостиницы. Саднило плечо, отдавало болью в висок, зато мерзкий дым стлался теперь в стороне, над рекой, и не надо было думать, как прорваться сквозь его плотную завесу. Он видел, как Марию усадили в машину «скорой», а спасшиеся игроки, резво сбежавшие по пожарной лестнице, исчезли в толпе. Интересно получается. Сперва самолет запоздал. Потом Элим не явился. Потом гостиница сгорела.

Заказав кофе, обернулся.

Дым густо плыл над набережной, но на бьющий из окон огонь свирепо плевали водой и пеной пожарные машины и даже серый портовый буксир, подошедший с реки. Деньги и документы лежали в кармане, сотовый там же.

– Коньяк?

Семина поднял голову.

Наглый взгляд, щетина на подбородке.

Один из игроков. Почему-то не исчез с остальными. Первокласный костюм помят, прожжен даже, но черные глаза горят:

– Куда подевал девку?

«Скорая» забрала.

– Обожглась?

– Нервный срыв.

– То-то я боялся, что она меня описает сверху. Она вслед за мной спускалась. – Жизнь бритому явно нравилась. Он цвел. Пожар в гостинице его нисколько не испугал, был, наверное, заговоренным. От огня, по крайней мере. – Знаешь, как замужняя женщина жаловалась подруге? «Вот муж бьет, а за что? И стираю, и глажу, и готовлю». – «Ну, может, погуливаешь?» – спрашивает подружка. – «Ну, разве что за это».

Бритый жадно отхлебнул из принесенной барменом рюмки и вытер уголки наглых толстых губ белым платочком. Весь был наглый, весь себе на уме, как тот ушедший от бабушки и от дедушки колобок.

– Что за цифры на руке?

– Телефонный номер.

– Из трех цифр? – не поверил бритый.

– Помада, наверное, нестойкая, – хмыкнул Семин, с некоторым сожалением глянув на цифры. – Смыло.

– А зачем помадой писать?

– Карандаша под рукой не оказалось.

– У нас бы попросили.

– Да вы, кроме гондонов, ничего с собой не носите.

– И то верно, – засмеялся бритый. – Смысл жизни в экспансии. Как юрист говорю, – зачем-то подтвердил он. – Гондон в кармане – дело нужное. Рождается живое существо, с ним рождается смысл жизни. Понимаешь, зачем гондон? Появился на свет – сучи ножками, требуй жратвы, не стесняйся, стремись к воспроизводству. Жизнь покажет, что к чему. Вот и надо пресекать излишне наглых.

Все же на профессионального игрока бритый не походил, а спрашивать о тех двоих в люксе Семину не хотелось. Маленькими глотками потреблял коньяк, молча смотрел, как бритый вытащил из кармана сотовый. Интересно, кому это он? Другу? Жене? Любовнице? Правда, и у Семина в кармане затренькал сотовый.

– Да? – изумленно уставился на бритого: – Это ты звонишь?

– А то!

И протянул руку:

– Золотаревский. Элим. Но ты можешь звать Лимой.

5

Наглость в юристе соседствовала с широкой душой. Он со вчерашнего дня жил как под напряжением. До встречи с Семиным успел хорошенько порыться в его данных. Рэкет, подозрительные аферы, но все это в прошлом. Кому интересно прошлое, кроме следователей? Теперь Семин ходил при больших людях. Да и Петр Анатольевич позвонил, не поскупился на доброе слово: «Семина встретишь в речной гостинице. С ним работать легко». И пояснил: «Энергетики жалуются, что ребята из мингосимущества совсем потеряли совесть. Помогают коммерческим структурам, подминают под себя управление крупного акционерного общества».

«Это вы о „Бассейне“?»

«Ты, я вижу, уже в теме?»

«А то!»

Элим сильно надеялся, что до встречи с Семиным успеет разыскать в гостинице старого приятеля – томского предпринимателя Колотовкина. А где его искать? Заказал ужин в свой номер, с наслаждением выкурил кубинскую сигареллу. Все кипело в Элиме, но не торопился. Понятно, что лучше бы полистать умную книжку, позвонить старушке-маме или включить телевизор на народном фольклоре, но Элима это не заводило. Как отсутствие судимости вовсе не заслуга какого-то конкретного человека, ухмыльнулся он про себя, так и торопливость не главное. В первом случае – недоработка системы, во втором...

Плевать, что там во втором!

Уверенно спустился в бильярдную.

Там вокруг зеленого стола ходил собственной персоной Виталий Колотовкин. Его пронзительно голубые глаза смеялись. Роста небольшого, но зря, зря говорят, что человек ростом с собаку не может надеяться на крупный успех. Предпринимателю Колотовкину всегда везло. Он и в Энск прибыл на собственном катере.

Прежде, чем вступить в контакт с приятелем, поддатый Элим одернул костюм и нагло направился к стойке. Там на высоких табуретах разместили тяжелые ягоды две роскошные кудрявые девицы, вполне гуляющие по виду, но на самом деле оказавшиеся всего лишь сотрудницами администрации, ожидавшими задержавшихся на пресс-конференции коллег.

– Привет, бабки!

Девицы сомлели.

Та, что была кудрявее овечки Долли (зав отделом социальной защиты), выплеснула в глаза наглому юристу липкий коктейль (слишком много вермута), а другая (из отдела страхования) подло взвизгнула:

– Виталик!

К разочарованию Золотаревского звала она не Колотовкина.

С предпринимателем всегда можно договориться, а тут подступил к стойке тучный человек почти двух метров ростом. Такому драться не надо. Просто прижмет животом к стене и раздавит.

– Отвянь, – не растерялся Элим. И оглядел рассвирепевших овечек: – Слышь, бабки! Каким это надо быть, чтобы попасть в рай?

– Мертвым, – издали подсказал томский предприниматель Виталий Колотовкин.

Все видел, все слышал, гад, но не торопился помочь. Оглядываясь на него, Элим выхватил из распорки кий. Он даже успел натереть кончик мелом и упереть кий толстым концом в стойку. Вот на этот кий тучный вышибала, позванный бабками, и напоролся.

– Обоссум! – пожалел толстяка Элим. – Слышали о таком зверьке, бабки?

– Ты кто? – свирепо прохрипел тучный, одним ударом перешибив кий.

– Интересуешься субъектом будущего преступления?

– Да ты кто? – совсем обалдел тучный.

– Я – тысячник.

– Как это?

– Из тысячи евреев один всегда идиот.

– Ты из таких?

– Ну да.

– Совпадает, – кивнул толстяк и слишком уж зло примерился. По натуре, может, и не был злым человеком, но работал честно. – Это вы, евреи, умную бомбу придумали?

– Ага! – обрадовался Золотаревский. – На испытаниях три сержанта не смогли ее выпихнуть из самолета.

И скользнул к боковой двери.

Первым ударом переломленного надвое кия тучный толстяк смел с высоких табуретов клонированных овечек. Вторым дотянулся до юриста, но Элим успел вывалиться в коридор.

Отряхнув пыль с дорогого костюма, смиренно отправился в верхний бар. Играла в голове дерзкая мыслишка поинтересоваться у бабок: не понадобится ли им опытный адвокат? – но подавил, подавил желание.

6

– Остальное сам знаешь.

Элим надул небритые щеки.

– У меня приятель есть, – судя по ухмылке, он говорил о себе. Врожденная скромность сказывалась. – Дает консультации предпринимателям. Из-за него два лучших ювелира свалили из Томска в Израиль. – Коньяк действовал на Элима самым благотворным образом. – Дело так был. Скинулись на баржу. Большая, многотоннажная. Щебень и песок выгодно перевозить на такой. Пять-шесть рейсов и ювелиры с лихвой окупили бы вложенные в баржу деньги, но тут появился наш Виталик Колотовкин. Глаз дикий, волос русый, как сноп с ВДНХ. А при нем Мишка Шишкин, бывший капитан. Да ты и того, и другого видел в гостинице. Мишка чуть девку твою не трахнул. Ну так вот, этот Виталик решил приобрести заправку для пароходов, а принадлежала заправка тем самым томским ювелирам. Они как раз привели баржу к благушинской заправке, чтобы загрузить топливом. А эта баржа... – Элим изумленно уставился на Семина. – А эта баржа возьми, да и затони. А там мель, отбивное течение. Теперь все суда должны особенным образом разворачиваться, чтобы подойти к заправке. А крупные вообще стали проходить мимо, не хотят рисковать. Зато местные мужики подрабатывают бурлачеством. Видишь, что получается? Вроде есть у ювелиров заправка, а толку? Вроде есть у них мощная баржа, а лежит на дне. Я советовал им перебросить через затонувшую баржу шланг или трубу, но там столько понаехало комиссий! Дескать, сволочи, удар по экологии, реку губите! Известное дело, гуманисты. Даже свидетель нашелся бесчестия этих ювелиров. Не пьет, ни в одном глазу. Но сам видел, как ночью на той барже с бабками плясали и на барже ювелиры. Вот и пришлось им свалить в Израиль.

– Ты сумасшедший? – спросил Семин.

– Нет, тысячник.

7

– А еще имел я дело с одним умным янки, – похвастался юрист.

– Звали умного янки Дейв Дэнис. Дружба между американцем и евреем всегда легко складывается, потому что каждый второй американец – еврей, а каждый второй еврей хочет быть американцем. Главное – работа, а все остальное потом, согласен? Этот Дэнис, – поясnil Элим, закусывая коньяк лимоном, – очень интересовался святым старцем Федором Козьмичом. Ну, тем, который сперва был российским императором Александром I, победителем Наполеона, а потом святым. *Разгонишь ты невежеств мраки, исчезнут вредные призраки учений ложных и сует. Олтарь ты истине поставишь, научишь россов и прославишь, прольешь на них любовь и свет.* Вот как писали о старце в масонском песеннике!

– Ну, пообщался с Дэнисом, гляжу, клинит американца на старца Федора Козьмича. Решил: так и быть, помогу американцу, продам ему старинные документы. Американцы, они, известно, прагматики. Говорю, имеются некоторые старинные документы. А в тех документах, говорю, сказано: выиграв войну с императором Наполеоном Бонапартом, русский император впал в сильную депрессию. Не знаю, почему. И решил уйти не в запой, как водится на Руси, а в народ. Янки, само собой, возбудился: «Где такие документы?»

Американцы, он ж как дети, заржал Элим. Объясняю ему: «Хранятся документы у одного интересного человека». – «А что в тех документах?» – спрашивает. Отвечаю: «Собственно-

ручные записки одного неграмотного русского солдата, двадцать пять лет верой и правдой служившего русскому императору. И личные записки одной темной бабки, прислуживавшей святому старцу Федору Козьмичу». Американец еще больше возбудился: «Купить, купить!» У них же там в Америке все продается и покупается, на всякий случай пояснил Семину Элим. Кажется, присматривался: с кем придется работать? «Ну я и намекнул американцу: купить это не проблема, купить можно, только цена велика!» – «А как велика?» – «Триста тысяч. Зелеными». – «Так много?» – «А по товару. Как юрист говорю. Издашь под своим именем книгу про святого русского старца, весь миллион вернешь». – Американец страшно заинтересовался: «Как это под своим именем?» – Объясняю: «Мы тебе документы продадим в полную собственность. Вот и поразишь Америку. У вас ведь любят удивляться».

До умного янки дошло.

«Вот тебе семь тысяч долларов, – разволновался. – Наличными. Кэш. Как бы на текущие расходы. Это чтобы ты держал цену, не позволял ее завышать владельцу документов».

«Да не станет завышать, – говорю. – Человек богобоязненный».

«Тогда вот тебе еще две тысячи на личные расходы, – совсем разволновался умный янки. – Я завтра улечать в Москву. Вернуться в Томск через месяц. Будут документы, сразу расплачусь. И покажу экспертам».

«Об экспертах и не думай, – объяснил Элим. – У нас в Томске есть серьезные люди. Отдашь наличными, никаких экспертов не надо».

И заторопился к известному томскому писателю Александру Рубану. Дескать, как ты? Деньгами интересуешься?

«Ага. Даже небольшими», – ответил писатель.

Элим бросил на стол триста баксов: «Книгу сочинишь?»

«За триста баксов?»

«Ну, почему? – понимающе ухмыльнулся Элим. – За пятьсот».

«За пятьсот? – побледнел писатель. – О чем книга?»

«О святом старце Федоре Козьмиче. О бывшем императоре Александре I».

«А есть исторические документы?»

«Да навалом», – сказал юрист и выложил на стол еще сто баксов.

«Ну, точно, – сразу вспомнил писатель. – Даже у меня есть кое-какие документы. И старых теток спрашиваю». – И уточнил: «Книгу писать художественную или документальную?»

«А что круче?»

«Конечно, документальная. Когда все строится только на голых фактах».

«Тогда такую».

«А кто будет издавать?»

«Америка».

«Тогда ладно, – облегченно вздохнул писатель. – Только у меня компьютер украли».

Ну, дал я писателю еще две тысячи, объяснил Элим Семину. Рублями дал. Дескать, купи что-нибудь простенькое. А писатель вместо магазина пошел к гадалке выяснять, где может находиться украденный у него компьютер. Точного ответа не получил, но взяла гадалка за работу полторы тысячи, а остатки денег писатель пропил. Сел вечером за старенький «Ремингтон» – для стиля, вставил лист ломкой бумаги. И ровно через месяц, захохотал Этим, принес он мне толстую лохматую рукопись. «Вот, – говорит, – совершенно документальная вещь. Голые факты, аж сердце жжет».

Начал читать, точно. Патриотическая, сильная книга. Такую под собственным именем издать не стыдно. Сразу понял, что американец станет знаменитым. Будет загребать с документального повествования миллионы, пока не найдется какой-нибудь ученый, который схватит его за нечистую американскую лапу.

Шлю телеграмму, хохотнул Элим. Прилетает янки. Всю ночь читали с ним рукопись и плакали. Я из патриотизма, а он из предвкушения. Потом спрашивает: «А где сейчас есть тело святого старца?» – Хотел ответить: «Да вместе с документами у известного писателя Рубана». Но спохватился: «На свалке». – «Как так?» – «А после революции город быстро рос. Захоронение старца оказалось почти в центре. Ну, сам понимаешь, негигиенично. Экскаватор случайно вывернул листовничные гробы, ну прораб и приказал выбросить все это».

Рассказывая, Элим не спускал глаз с Семина. Улыбка на губах Семина его не обманывала. Он видел, что Семин думает о своем, это показалось юристу опасным. Он вдруг нагло зарокотал, вспоминая текст:

«...И стала расти молва, что настоящий император жив, но скрывается, а в столицу в гробу везут чужое тело». Вот какими сильными словами описал историю старца известный писатель Рубан. «...Любопытно, что молва и слухи шли как бы впереди погребального шествия. Еще гроб не успел прибыть в Москву, а столица была полна всевозможными толками. Одних все это пугало, они трусили и уезжали из Москвы. Другие без причин начинали дерзить околоточным. Прибытие гроба 3 февраля вызвало огромное стечение народа, но власти ждали беспорядков и сумели принять меры: в 9 часов вечера кремлевские ворота запирались, у каждого входа стояли пушки, держались наготове военные части, по городу всю ночь ходили патрули. Боялись, что народ потребует вскрытия гроба, чтобы увериться в смерти государевой».

По утверждению Элима, умный янки не раз сильно менялся в лице, слушая рукопись. Ведь по версиям, высказанным известным писателем Рубаном, слухи о смерти императора решительно противоречили друг другу. По одним слухам великого государя убили и изрезали на части, так что нельзя было узнать его, по другим – напоили такими крепкими напитками, что он захворал и умер. *«...все тело императора так почернело, что никак и показывать людям не годилось. Спрятали его в гроб свинцовый в восемьдесят пуд. А по другим слухам выходило, что великий государь Александр Павлович весь насквозь проколот кинжалами, и разрублена на части вся голова, ради сего показать такое тело народу тоже не представляется возможным».* А лично от себя писатель добавил еще такую версию, что, мол, великого государя могли даже продать в иностранную неволю или, может, сам вдруг куда уехал на легкой шлюпке. *«Рассказывали, что будто бы во время проезда через Москву государева тела был в Москве из некоторого сибирского села дьячок, чуть ли не из Благушина, он смотрел на тело. По возвращении в Благушино спросили дьячка: «Что, видел ли государя?» А дьячок ответил: «Какого государя? Это чёрта привезли в гробу, а не государя». Ну, ударили дьячка в ухо, чтоб непотребное не говорил, и отправили обратно в Москву. С ним заодно отправили и попа, и диакона – одна команда. Попа потом от службы отрешили, а дьячка и диакона спрятали навсегда...»*

Еще писатель Рубан указывал, что *«...когда государь был в Таганроге, пришли к его палате несколько солдат и спросили: „Что государь делает?“ Им ответили, что государь пишет. Ну, пошли прочь. На другую снова пришли: „Что государь делает?“ Им ответили: „Государь спит“. Пришли и на третью ночь: „Что государь делает?“ Им ответили: „Ходит по покоям“. Тогда один солдат взошел в покои и смело сказал: „Государь, вас сегодня изрубить приготовились“. Государь посмотрел на солдата: „Верный мне?“ – „Всегда!“ – „За меня хочешь быть изрубленным?“ – „Не хочу“. – „А если похоронят тебя, как меня, то есть как истинного государя, и весь твой род наперед будет награжден?“. На такое верный солдат согласился и надел новый царский мундир. А государя на крепкой веревке тайно опустили в окно. Так он ушел живым в сторону Сибири».*

Кстати, деликатно указывал писатель, фамилия смелого солдата была Рубан. Хорошая простая старинная солдатская фамилия. Приходился тот солдат писателю прямым прадедом. *«А когда Александр Павлович был в Таганроге, там строился дворец для Елизаветы Алексе-*

евны. Приехал государь в оный с заднего крыльца. Стоявший там часовой сказал государю тихо: «Не извольте входить на оное крыльцо, вас там убьют из пистолы». Государь подумал и сказал тоже негромко: «Спасибо, солдат, вижу, верен мне. Хочешь ли за меня умереть? Ты будешь похоронен, как меня должно похоронить, и весь твой род наперед будет вознагражден». Услышав такое, солдат согласился. Тогда государь надел его мундир и стал на часы. А названный солдат надел новый царский мундир, новую шинель и треугольную шляпу. Как вошел в первые комнаты, вдруг выпалил по нему из пистолы некий крутой барин. Правда, не попал, а сам упал в обморок. Солдат повернулся назад идти, но другой крутой барин тоже выпалил по нему и на этот раз прострелил насквозь. Подхватили солдата и понесли в палаты, а всем объявили, что государь весьма занемог». Ну, понятно, что указанного солдата звали Рубан.

Еще в рукописи приводилось мудрое письмо некоего барабанщика Евдокима Рассохина, из императорской музыкальной команды. Летом 1826 года, перед самой коронацией императора Николая I, Рассохин сообщил одному другу: «...коронации у нас еще не было, а будет только в июле или сентябре месяце. О последовавшей же кончине государя Александра Павловича ходит по Москве много темного. Например, по выезде из Петербурга было знамение на небе. А потом стало затмение Солнца, даже свечи днем подали. Говорят, стоял в то время на часах некий русский лейб-сержант Рубан не молодых уже лет, вот он по секрету и открыл государю, что, не доезжая Таганрога, мост на реке будет подпилен и случится там государю кончина жизни. Так прямо и сказал: «Государь, не езд, приготовлена тебе на мосту смерть». А государь на это ответил: «Я надеюсь на Бога, мой Рубан, это пустяки». И дал лейб-сержанту рубль серебром...»

Отступление первое. Мечта Июль, 1979 год

1

Тысяча девятьсот семьдесят девятый год Виталик Колотовкин провел в глухом сибирском селе Благушино. Бабка сильно жалела внука, учителя его жучили, дед не давал спуску. А деда домовой мучил. Стучит и стучит за стеной, дурной, а то плачет в трубе, спать не дает. Стал дед от того безрадостный. Часто сердился:

– Это все ты, Виталька!

– Да почему я?

– Ты злишь домового.

– Как это я его злю?

– А всяко! – безрадостно злился дед. – Баню кто поджег? Грядку кто истоптал? Посуду невытой кто бросил? Домовой по чину терпеть такого не может.

– А какой у домового чин? – Виталик попытался представить мохнатого в погонах, в папахе, с саблей на поясе, но как-то не получилось. Спросил с интересом: – А домовые могут быть военными? А могут они стать профессорами, как папа?

– Да кто ж им позволит? – корил дед, запирая Виталика в чулане. – У тебя уважаемые родители. Они за границей работают. К ним партия проявляет доверие, отправила работать в чужую страну. Вьетнам – сложная страна, мало что там косоглазием страдают. Твои родители вышли в люди, к ним уважение, а ты домового дразнишь.

– Не казни мальчишку, – вмешивалась бабка. – Рогатку я у него отобрала.

– Ну, рогатка как раз ничего особенного, – совсем злился дед. – Пацан без рогатки как дурак без скрипки. Только кто будет платить соседям за разбитое стекло?

– Я им лукошко яиц снесла, – вздыхала бабка, а дед непонятно грозил: – В следующий раз, Виталька, твои снесу соседям!

А Витальке в чулане нравилось.

Ничего никогда не менялось в чулане. Все стояло, лежало, висело на раз навсегда предназначенных местах. Старый зеленый сундук, обшитый полосками тусклой жести, груда пыльных половиков, истрепанная одежка, сношенные валенки. Хоть бы домовой в углу нагадил, весело думал Виталик. Забодал его дед этим домовым: дескать, не зли нежит, она ночью задавить может. Кусок хлеба посолит, сунет в чулан. «Вот тебе, хозяин, хлеб-соль, а меня не беспокой». Виталик подождет, подождет, да сам съест хлеб. Вот с того домовой и взял моду: тянет ночью с Витальки одеяло, пока оно не свалится на пол. Сперва Виталик думал, что одеяло сваливается само по себе, но как-то отпихнулся ногой и почувствовал мягкое, волосатое, услышал, как суетливо прошлепали к печи маленькие босые ноги. Потом зашумело на кухне, во дворе. Проснулся дед в соседней комнате: «Опять хозяин обижается». А под самую весну Виталика ночью в наглую погладили по лицу. Вроде как ладошкой, только она мохнатая и пахнет хлебом. Утром, когда чай пили, рассказал, бабка даже всплеснула обеими руками:

– Домовой! Домовой это! Ты спросил его?

– О чем? – удивился Виталик.

– К добру приходил?

– Откуда мне знать? Повадились!

2

В хорошую погоду в чулан сквозь узенькое окошко падал пыльный солнечный луч. В дальнем углу наклонно стояла узкая лесенка. На ступеньках висели тряпки, затасканная телогрейка, брезентовый плащ. Дед был уверен, что лаз, ведущий из чулана на чердак, заколочен. Чтобы достать с чердака веники, например, он пользовался лесенкой, приставленной со стороны крытого двора. Но Виталик знал, что на чердак можно попасть и прямо из чулана. При этом Виталик нисколько не боялся быть пойманным, потому что дед отличался ужасной точностью. Говорили, что в жилах его текла немецкая кровь. У всех русская, а у него почему-то немецкая. Но если дед говорил: «В чулан на полтора часа!» – это и означало: в чулан на полтора часа.

На чердаке пахло пылью. Там было сумеречно, как в лесу. С наклонных балок свисали веники, странно пахли вязанки неизвестных трав. В деревянном ящике лежали пыльные старинные книги. Без обложек, с вырванными страницами. Говорилось в них все больше про царей да про божественное.

А иногда вообще непонятное.

Например, книжка про Агафонов.

Эта книжка начиналась прямо с седьмой страницы. И было этих глупых Агафонов семь. Поехали торговать, в чужом городе устроились в уютном доме, но лечь на нары побоялись: вдруг ноги перепутаются? Один умный человек, услышав такое, сказал: «Ну, забодали вы нас, Агафоны, своей торговлей, лучше вам лесовать». Они послушались, пошли лесовать. Ночью, бережась от хищного зверя, полезли на елку. Агафон за Агафоном, лезут спина в спину, а последний за собой сучья рубит. Упал, конечно, отшиб голову. Привели к Агафонихе: «Вот разве такая у него была голова?» – «А я помню?» – рассердилась Агафониха.

В темном месте такое расскажешь, девчонки побегут колготки менять.

А другая книжка оказалась про царей. Они в истории помечены цифрами, как бильярдные шары. *Иван III... Николай II... Александр I...* Виталик сразу оценил, как круто бы звучало: *царь Колотовкин I... Или император Виталий I...*

Вырвавшись из чулана, рассказал про царей Вовке Зоболеву.

Как раз шли к школе, увидели при дороге знак: «Сбавь скорость, впереди школа». Дураки, что ли, его поставили? Виданное ли дело, бежать бегом в школу? Кто в школу бежит бегом? Впрочем, узнав про титулы, Вовка тоже загорелся:

«А мне можно?»

«*Владимир I*, что ли?»

«Ну да».

«Нет, *Первый* – нельзя. Это я – *Первый*, – объяснил Виталик. – Но ты можешь писаться – *Второй*. *Владимир II*. Тоже неплохо».

И жестко потребовал:

«Такса за титул – один гривенник!»

К завалянке, где шел торг, подошли дура Катька и дура Люська Федоровы. Им красивый титул (*Екатерина III и Людмила IV*) Виталик тоже продал за гривенник. Небогатые девчонки. А третьем «б» числительная приставка даром досталась только Пашке Климову. Он здоровый и лупоглазый. Он показал Виталику большой не по возрасту кулак и прямо сказал: «У меня гривенника нет, я лучше тебе накладу по шее». И самозванно определился – *Павел Самый Первый*. Виталик его честно предупредил: «Это ты зря. Задавят тебя подушкой». Он про Павла *I* уже читал, а Пашка не знал родной истории.

В тот же день на тетрадах, выданных классной руководительницей Светланой Константиновой, его любимой учительницы (география), Виталька разборчиво вывел: *Колотовкин*.

А ниже так: *Виталик I*. У Васьки Лыкова, кстати, получилось еще интереснее, прямо как у французского короля: *Василий XVIII*. А смешнее всего у Кольки Дрожжина: *Николай XXIV*.

Круто.

Светлана Константиновна была потрясена.

– Вспышка стихийного монархизма в советской школе! – хорошенькая, глаза от волнения страстно заблестели. – Знаем, знаем мы, откуда дуют ветры, с каких побережий, из каких таких стран. – Это она намекала на Виталькиных родителей, хотя при чем тут далекий Вьетнам, где они работали? Потом резко вскинула красивую голову: – *Екатерина III*. Есть такая?

Катя Федорова робко поднялась.

Ни скипетра у нее в руках, ни державы, только в глазах глупости.

– Отвечай, почему ты *Екатерина III*, если не Романова?

– А она от морганатического брака, – нагло предположил Виталька, дерзкий профессорский сынок.

Даже дед в тот день, загоня Виталика в чулан, сказал: «Мы царя зря, что ли, расстреляли? Ты это чего? Решил монархизм реставрировать?» – Виталик не все понял, конечно, но уточнить побоялся. Хотя вообще-то, будь он царем, он бы приказал поставить в Благушино большую пристань, чтобы все пароходы у берега останавливались. И осушил бы гнилые болота, тянущиеся неизвестно куда. И сжег бы огнеметами грязный, прокуренный, заблеваный «Ветерок», возле которого постоянно валяются пьяные. Так он и заявил на другой день Светлане Константиновне: дескать, а чего такого плохого в царском деле, если царь можно изменить жизнь? Светлана Константиновна побледнела и отправила наглого профессорского сынка к директору. А директор школы суровый товарищ Калестинов с опаской спросил:

– Ну? Что там копошится в твоей голове?

3

Получалось, что все слова, любые поступки приводили Виталика в чулан.

Зимой холодно, неуютно, но летом терпимо. Иногда сам вызывал деда на наказание. Сквозь щель чуть приоткрытой чердачной дверцы незаметно изучал обстановку в огороде Светланы Константиновны. Никто в одна тысяча девятьсот семьдесят девятом году так хорошо не знал молоденькую, недавно приехавшую из города учительницу. Тонкие бровки, вздернутый носик, пухлые губки. Плечи – совсем круглые. И колени, как у девчонки. А глаза, как небо. А волосы светлые, спадают на плечи красивыми кольцами. А на загорелом животе – черненькое родимое пятнышко. Конечно, в школу Светлана Константиновна приходила в строгом темном костюме, всего этого не разглядишь, но в собственном огороде за высоким глухим забором в жаркие дни скидывала с себя легкий сарафанчик. Только поддатый муж-механизатор все портил. «Светка, сучка! – орал. – Где плоскогубцы?» А когда механизатора дома не было, мог притормозить у невысокого крылечка зеленый «газик» с брезентовым верхом. Это подъезжал местный партийный секретарь по имени Юрий Сергеевич. Черный костюм, черный галстук, жирные щеки от жары провисли, глаза бегают. Но дед, например, о товарище Ложкине отзывался в высшей степени похвально: «Вот не спился, вот вышел в люди!» И кивал, кивал: «Если партия учит, что тепло передается от холодного тела к горячему, то товарищ Ложкин всегда подтвердит».

Сам Виталик мужиков, даже случайно тормозивших в отсутствие механизатора у крылечка молоденькой учительницы, считал уродами. Правда, партийный секретарь являлся уродом полезным. Раз в неделю Виталик снимал с него рубль – за то, что передавал Светлане Константиновне некую записочку. Ну, конечно, не прямо ей в руки, а в одно потайное местечко, указанное товарищем Ложкиным. В первый раз Виталик к одинокой загадочной букве «Л» с многочисленными точками за нею (сочинение партийного секретаря) дописал коротенький

интересный вопрос. «Эрик Рыжеволосый, правда, что первый приплыл в Америку?» Почерк у Виталика и у партийного секретаря был одинаково корявый. Светлана Константиновна, прочитав записку, сомлела. Разговаривала с товарищем Ложкиным особенным образом. Стояла на крылечке, сарафанчик короткий, колени загорелые. «У вас, дескать, почерк прямо детский». – «Да мы где учились? – смутился товарищ Ложкин. – Мы до всего своим горбом». – «Зато теперь многим интересуется». – «А нельзя на моем месте без интересу». – «Ну, тогда так скажу. Про Эрика Рыжеволосого ученые пока не пришли к единому мнению». – «Но ведь работают?» – осторожно уточнял товарищ Ложкин, пытаясь понять, о каком таком рыжем зашла речь. – «География – предмет серьезный, – млела Светлана Константиновна, перебирая, как коза, точеными ножками. – У нас в институте лекции по географии читал сам профессор Колодкин». – «Это что, отец нашего пацана?» – «Вот-вот. Работает во Вьетнаме».

Ну прямо уроды. Могли бормотать целый час.

Глаза горят, руки двигаются. «Эрик Рыжеволосый... Магеллан... Адмирал Лазарев... Антарктида...» Члены географического кружка... Партийный секретарь товарищ Ложкин много чему в тот год научился. Услышав стук мотора, Светлана Константиновна обычно сразу выбегала на крылечко с толстым географическим атласом в руках. Товарищ Ложкин от этого балдел. Казалось ему, что молоденькая учительница стремительно поднимается до его культурного уровня.

4

В Томск родители должны были вернуться зимой, поэтому каникулы Виталик делил между огородом, болотами и пыльным чуланом. В чулан попадал после болот, куда запрещалось бегать, а в огород сразу после чулана. Затем опять бегал на болота и снова попадал в чулан. Какой-то ужасный круговорот. Виталик даже предложил поставить в чулане раскладушку.

«Это зачем?» – не понял дед, старый, глупый.

«Выспаться не могу».

А лето выдалось сухое, жаркое. Леса и болота манили таинственными влажными запахами. Правда, и чулан был не таким уж последним местом. Из-за приоткрытой дверцы Виталик не раз незаметно наблюдал, как Светлана Константиновна ругается с мужем-механизатором, а потом в одиночестве загорает между грядок. Забор высокий, глухой, с улицы ничего не увидеть. Светлана Константиновна бросала на траву суконное одеяло и вытягивалась на нем, стянув с горячего тела коротенький сарафанчик. Да его хоть не стягивай, все равно все видно. Ну, совсем всего Виталик, конечно, не видел, но все равно убедился, что женщины сильно отличаются от мужчин. И не только тем, что писают сидя.

Как-то после короткой, но сильной грозы улицу залило водой. Вода в колее от жары зацвела, покрылась жирной ряской. Вовка Зоболев, кореш, когда шли по дороге, уверенно заявил: «Если в такую воду жопой сесть, сразу погибнешь».

«Почему?»

«Это же не вода. Это голимые микробы».

«Спорим на гривенник?»

Виталик знал, что у Вовки есть означенная монетка, даже две.

«Ну спорим».

Вовка, дурачок, думал, наверное, что Виталик сам сядет в зацветшую колею. Но Виталик оказался умнее. Как раз пробежала мимо Люська Федорова (*Людмила IV*), вот он и крикнул Вовке:

«Пинай ее вниз!»

Вовка пнул и Люська оказалась в зеленой ряске.

Почти две минуты они бежали за визжавшей Люськой.

Она скакала по улице как зеленая лягушка, вся в ряске, и Виталик ужасно волновался: «Обязательно доскачет до дому, не погибнет! Вот увидишь, – торжествовал, – доскачет!» – А Вовка угрюмо возражал: «Погибнет. – Он уже понимал, что пролетел на гривенник, но возражал. – Упадет у сельсовета».

Но у сельсовета плачущая Люська не упала. Зато, когда довольный Виталик забежал домой попить квасу, дед хмуро поинтересовался:

«Кто это там визжал?»

«Да так, дура одна».

«В чулан!» – сразу определил дед.

Несправедливо, конечно, зато Виталик опять увидел Светлану Константиновну.

Молоденькая учительница в цветастом коротком халатике неторопливо расхаживала по огороду с тетей Валею, соседкой, и довольно жаловалась: «Вот огурцов нынче уродилась прорва, убирать никаких рук не хватит!» Цветастый халатик на учительнице был такой коротенький, что, когда она поднимала руку, мелькали внизу тоже цветастые трусики. «Прямо не знаю, как все собрать».

«Для того у тебя мужик имеется», – мудро напоминала много пожившая на свете тетя Валя, тяжелая, рыхлая, в темном платье.

«Ага, его заставишь! – безнадежно отмахивалась Светлана Константиновна. – Все говорит, что занят срочным ремонтом, а сам третий вечер подряд приходит домой поддатый».

У Витальки тут же родился план.

Дождусь, решил, когда никого не будет, и спущусь в огород. Соберу все эти дурацкие огурцы и аккуратно сложу в плетеную корзину, которая стоит на крылечке. Светлана Константиновна будет поражена поступком неизвестного доброго человека. И никогда не узнает, кто сделал такое...

Ну, может, позже...

По случайному взгляду...

5

Поздно вечером, когда Виталик заснул, закричали, застучали на улице, слышались заполошные голоса.

– Пожар? – с верой в чудо проснулся Виталик.

– Спи, – сердито ответила заглянувшая в комнату бабка. – У соседей дерутся.

– Зачем?

– Нажрались и дерутся?

– И Светлана Константиновна дерется?

Виталик очень ярко представил, как классная руководительница в сарафанчике выше круглых колен, так что видны при прыжках цветастые трусики, со скалкой в руке энергично кружит в толпе убогих перепившихся мужиков. Одного трахнет по лысому черепу, другому поддаст под плоский зад, третьему – по подслеповатому глазу. Выигрывает не по очкам, а по чистому результату.

Ох, жизнь наша.

Утром опять жара.

Виталик прошвырнулся по селу, никого из пацанов не встретил, а Люська Федорова (*Людмила IV*), увидев его, стала обидно кричать и бросаться грязью. «Я тебя не трону», – миролюбиво пообещал Виталик, но вышел из дому Люськин старший братан. Здоровый, руки как домкраты. Такого не победишь. С таким бы сыграть вничью. Бабка, увидев на шее Виталика ссадину, убежденно сказала:

– Совсем убили парнишку!

– Его убьешь! – сердито возразил дед и отправил Витальку в магазин. Курево у него кончилось.

Купив пачку «Примы», Виталик вышел на крылечко магазина.

– Эй, Виталька!

Он обернулся.

– Видишь? – Издалека, из «газика» показал партийный секретарь товарищ Ложкин бумажный рубль.

– Чего?

– Хочешь?

Товарищ Ложкин всегда задавал такой вопрос. Может, верил, что однажды Виталик не захочет.

– А чего?

– А вот снеси куда надо, – Ложкин сунул Витальке вчетверо сложенную бумажку и заметил торчащие из кармана сигареты: – Куревом балуешься?

– Да нет, это для деда.

– Скажи деду, что вредно курить.

– Не могу.

– Это почему?

– Да он меня в чулан за такие слова.

– И правильно сделает.

6

Возле знакомого дома Виталик оглянулся.

Утром бабка сказала, что непутевая семейка отправилась к родственникам на другой край села, но мало ли... Осторожно скрипнул калиткой... Правда, никого... Корзина на крылечке, на дверях висячий замок... От такого запустения тревожно пахло ветерком с огорода, понесло запахом теплых подсолнухов, огуречной ботвы. Взглянул на знакомое местечко между грядок, где обычно загорала Светлана Константиновна, и сердце неровно застучало.

Решительно прошел к огуречным грядкам.

Пахло сухой землей. Царапались жесткие, как жестяные, листья. Чрезвычайно смелые букашки прыгали на руки. А самих огурцов оказалось гораздо больше, чем думал Виталик. Были среди них крупные и не очень. Были помельче. Были совсем мелкие. Некоторые начали желтеть. Но Виталик без раздумий рвал все подряд. Крупные потому, что Светлане Константиновне тяжело таскать такие, а маленькие потому, что растут быстро, а значит, Светлане Константиновне все равно придется их таскать. Пару огурцов Виталик было надкусил, но от них несло теплом, прелью. Если бы я был царем, подумал щедро, огород Светланы Константиновны убирала бы маленькие черные эфиопы. Бесперывно и весело. Впрочем, он и сам хорошо трудился. За каких-то полчаса заполнил всю корзину. Парник среди огорода стал каким-то осенним: хрупкие переломанные огуречные плети потемнели, колючие листья скукожились.

– Вот те нате, хрен в томате!

Обернувшись, Виталик с ужасом увидел свою любимую классную руководительницу, а рядом ее поддатого механизатора. Наверное, хорошо сходили к родственникам. Светлана Константиновна вся светилась, как праздничный огонь, даже не сильно были заметны подсохшие царпины на лбу, а механизатор изумленно сверкал фонарем, удачно посаженным под левый глаз. На первый взгляд совсем как человек. но зарычал совершенно не по-человечески: «Запорю! Оторву все, что оторвать можно!» Даже странно, что такое предложение могло понравиться учительнице. Непонятно, что бы она стала делать со всем этим оторванным у Витальки добром, но она тоже всплеснула руками: «Ой, люди добрые! Он даже семенные

выбрал!» Пришлось мчаться к мохнатому кедру, поднимающемуся на краю огорода над глухим высоким забором, а потом торопливо карабкаться по стволу, сперва шелушащемуся и скользкому, как намыленному, а потом утыканному хрупкими горизонтальными сучьями.

Устроился в тугой развилке.

Нежно пахло смолой. Висели сизые шишки, как ананасы.

Ну никак не мог Виталик поверить, что Светлане Константиновне не понравился его благородный поступок. Сама ведь жаловалась, что не хватает рук. Напомнить ей, что ли?

Посмотрев вниз, покачал головой.

Светлана Константиновна никакого понимания не проявляла, а механизатор уже приволок длинную жердь. Пришлось лезть выше. С верхотуры Виталик увидел вообще странное. Светились у Светланы Константиновны красивые голубые глаза, но почему-то походили не на ветреное весеннее небо, а скорее на тонкий поблескивающий холодком ледок на осенних лужах, да еще присыпанный по краям бурой листвой. И не каштановыми показались сверху волосы, а какими-то... Ну, может, крашеными... Он не нашел правильного определения... И губы, когда Светлана Константиновна закидывала голову, были красные, кругленькие, как шевелящиеся колечки...

– Ну, конечно, Виталька! – прибежала на шум тетя Валя. Она так радовалась, будто без нее Витальку не опознали. – Отец профессор, а сын по чужим огородам шастает. Участкового надо звать.

И крикнула радостно:

– Ты что, паразит, наделал?

– Я помочь хотел.

– Вон как врет! – обрадовалась тетя Валя. – «Помочь хотел»! Вот врет так врет! Да ты, зараза, хотел отнести огурцы на пристань! Будто я не знаю! Там с проходящего катера купят.

– Это мои-то огурцы? – заорал механизатор. – Светка, сучка, где ружье? Неси. Пальну солью!

Зад у Виталика зачесался.

Краем глаза увидел, как за калиткой по пустой улице катит знакомый зеленый «газик» с брезентовым верхом. Ни тетя Валя, ни Светлана Константиновна, ни механизатор из-за забора машину не видели, а товарищ Ложкин, как человек партийный и осторожный, старался не привлекать внимания. Только издали гипнотизировал взглядом Витальку, сидящего на кедре. Наверное хотел убедиться, что Виталик спрятал записку в тайное место. Хорошо, что не знает, что записка все еще у меня в кармане, подумал Виталик. Товарищу Ложкину очень не выгодно, чтобы я живым попал в руки механизатора. Хотя в записке и дописан интересный географический вопрос про кумоанских людоедов из Индии. Механизатор все равно не поймет. Конечно, товарищу Ложкину гораздо выгоднее застрелить меня. Вбежит, отнимет ружье у механизатора и вклеит мне в лоб. Потом отсидит, выйдет честный.

Ловя взгляд товарища Ложкина, Виталик таинственно похлопал по карману рубашки. Дескать, при мне записка! Такой простой, но явно бессмысленный на сторонний взгляд жест вызвал внизу настоящую панику.

– Слетел с катушек, – перекрестилась тетя Валя, а механизатор заорал: – Светка, сучка, где ружье?

На механизатора бросились.

Впрочем, хорошо было видно, что ни тетя Валя, ни классная руководительница не удержат такого бугая. И появившаяся в проеме калитки Виталькина бабка тоже уже не могла помочь. Понимая это, Виталик слетел по гладкому стволу сразу метра на три и с нижней, самой толстой ветки, махнул за высокий забор.

Мужская рука втащила его на кожаное сиденье. Негромко фырча, «газик» выкатил на центральную улицу, свернул а заросший лебедой переулок, а оттуда на пустую площадь. Только

за сельсоветом, у мертвых репейников, под скульптурой каменной крестьянки, угрожающе замахнувшейся серпом на бетонного пионера, партийный секретарь остановил машину.

– Записка при тебе?

– А рубль?

– Что же это выйдет из тебя? – покачал головой партийный секретарь. – Зачем тебе рубль?

– Я дедовы сигареты потерял, – соврал Виталик, пряча полученный рубль и стараясь прикрыть рукой оттопыренный карман, в котором лежали сигареты. – Купил сигареты, а когда лез на кедр, выронил.

– Ну, вернись, – посоветовал секретарь. – Скажи, что вернулся за сигаретами.

Виталик на такую глупость даже отвечать не стал.

– Деньги теперь у тебя есть, – товарищ Ложкин видел Виталика насквозь. – Достань записку и порви. – По голосу чувствовалось, что указанная записка содержит какой-то важный секрет, наверное, на самом высоком уровне, и очень отраднo, что секрет этот (возможно, партийный) не попал в руки разгулявшегося простого механизатора. – Мельче, мельче рви.

Виталик с радостью бросал по ветру обрывки.

Все это время товарищ Ложкин сидел сгорбившись над рулем.

Ну, совсем как человек, только толстые щеки провисли от жары, как у собаки. Видно, что печалился, но все же не утерпел:

– Зачем монархию проповедуешь?

– А что еще проповедовать?

– Ну, выбор есть, – недовольно ответил товарищ Ложкин. – Развитой социализм, например. Или продовольственную программу.

У товарища Ложкин лицо стало совсем человеческим, но Виталик ему не верил.

У тебя-то гривенников не считано, думал он, ты давно в люди вышел. Тебе уже ничего не надо, только ездй на казенном «газике» да разговаривай с молодыми учительницами про всякие интересные географические проблемы, а меня чуть что – сразу в чулан. А может, я тоже хочу ездить на «газике», и чтобы люди смотрели с уважением.

Проводив взглядом машину, Виталик вынул из кармана записку и аккуратно ее расправил. На мелкие части он порвал совсем другую бумажку. В его карманах всегда было много такого добра. Я вот еще со Светланы Константиновны рубль слуплю, сердито подумал он. Светлана Константиновна привыкла к запискам, ей без них будет скучно.

7

Ночь наступила.

Звезды зажглись, потянуло с болот душной сыростью.

Виталик растворил окно, хотя дед запрещал это. Задница чесалась, так хорошо дед поучил внука. Никак не решишь, складывается жизнь или нет? Родители во Вьетнаме, дом в Томске. А он живет с дедом и бабкой, в дикости.

Стало жаль себя.

Скоро Дед уснет, подумал, тогда непременно явится домово́й, чтобы подразнить мохнатой ладошкой. Услышал, как бабка за неплотно притворенной дверью вздохнула: «Ох, кости ломит. На дождь. Парнишку жалко. Нет чтобы подладиться под людей, все под себя мнет».

Проверил, под подушкой ли рогатка?

На месте, на месте лежит любимая – надежная, ладная, вырезанная из тальника. Начнет мохнатый распускать руки, влеплю камнем в лоб. Контуженного увезу в Томск, там дорого продам Соньке Пушкиной из параллельного класса. На пушнину. Сонька дома хомяков держит, крыс, мышей, ей все в жилу. Скажу: «Вот покупай прибавление». – «А это что? Зверек?» – «Ага». – «А какой?» – «Лохматый». – «Ну, белка, что ли?» – «Да ну!» – «Ой, обезьянка?» – «А

ты выше бери». – «Ну, не человекообразное же?» – «Конечно, нет, но похоже». – Сонька прищурится: «Кусается?» – «Да нет. Только грудь давит ночью». Сонька-дура покраснеет, конечно, как это – грудь? А я скажу: «Покупай, дура. Все равно других нет». И потребую за мохнатого червонец, пусть сдерет с предков. Очень уж порода у домового редкая.

Приподнялся на локте, позвал:

«Дед!»

«Чего тебе?»

«Принеси квасу».

«Сам встань и напейся».

«Ну, принеси, чего тебе?»

«Будешь канючить – дам ремня».

«Ну, вот будешь вставать за ремнем, и принеси квасу».

Дед не ответил. Виталик снова притих. Хорошо товарищу Ложкину – он давно вышел в люди, у него гривенники и рубли есть. Я тоже так хочу. Приезжать на зеленом «газике» и смотреть на молоденькую Светлану Константиновну, а механизатор пусть бегает за ружьем.

Вдруг различил странные звуки.

Слабый шорох... Скрип половицы... Шарканье...

Идет, идет домовый, идет мохнатый, обрадовался Виталик и, похолодев от неожиданного волнения, потянул рогатку из-под подушки. Тихонечко вставил в кожанку заранее припасенную гладкую гальку и затаился, затих, вжался лицом в теплую подушку, только ногой специально приспустил одеяло на пол, чтобы домовый не терял время, не занимался всяким там баловством, а сразу кинулся бы на него – давить.

Идет, идет домовый, идет мохнатый.

Шлепает босыми ногами, дождался темноты, гад.

По теплу, по легчайшему живому шевелению теплого воздуха Виталик чувствовал, что старорежимная нежить уже где-то рядом, может, уже даже тянет к нему мохнатые лапы. Вот врежу в лоб, думал. Продам мохнатого Соньке Пушкиной. Появятся деньги, выйду в люди. А выйду в люди, появятся деньги. Затаив дыхание, мысленно определил направление. Так же мысленно уточнил прицел. И, резко вскинувшись, оттянул резину:

– Получай, гад, от советского пацана!

Глава II

Генеральный директор

Июль, 1999

1

– Мы подружиться...

В супермаркете Элим и Семин обновили одежду.

Солнце палило уже во всю. Черные глаза Элима увлажнились, на бритой голове, кстати, вполне классических очертаний, выступили капельки пота. Темная прядь падала выше уха, загибалась к виску. «Терпеть не могу Энск. Каменный лабиринт, да?»

И предложил:

– Пообедаем?

Семин кивнул.

– В «Суши»?

– Мне все равно.

– В «Суши» подают к коньяку...

– Никакого коньяка!

– Любишь вино? – фальшиво полюбопытствовал юрист.

– Неважно. Главное, сегодня – ни вина, ни коньяка.

– Если ты беспокоишься за встречу с энергетиками, то я ее отменил, – несколько удивленно покивал Элим. Слишком ровный настрой Семина ему явно не нравился. Он никак не мог угадать, как правильнее разговаривать с человеком, приехавшим от Петра Анатольевича. – Сегодня мы встречаемся с генеральным директором ОАО «Бассейн» Липецким. Николай Иванович, так его зовут, запомни. У энергетиков нам пока не надо светиться, а вот Липецкий ждет. Кажется, он еще не нашел правильного плана действий. – Юрист тоскующим взором обвел бар. – Боится отставки. Мы для него – последняя надежда. Он нам обрадуется.

И ухмыльнулся:

– Знаешь, что скажет Петр Анатольевич, если генеральный директор «Бассейна» слетит с кресла?

– Не знаю.

– Ругательства пропустить?

– Как хочешь.

– Тогда – ни слова.

2

Весной в офисе Плетнева – директора энской энергетической компании неожиданно появился генеральный директор ОАО «Бассейн», рассказал Элим. «У меня имеется запись разговора». По наглой ухмылке Семин понял, что в сейфе Золотаревского не мало собрано материалов, унижающих человечество. Понятно, два директора выпили по рюмочке, вспомнили смешные случаи из прежней жизни, пожаловались на время (вот как быстро летит!), на фонды (вот как катастрофически тают!), потом Липецкий как бы походя поинтересовался: «У тебя, Константин Николаевич, имеется смета затрат на нынешнюю навигацию?»

«Ну разумеется».

«А ты не боишься, что ее придется раздувать процентов на тридцать?»

«Даже думать о таком не хочу! Окстись! Случись такое, Анатолий Борисович всех заставит написать заявления».

«Заставит. Точно заставит, – кивнул Липецкий. – Поэтому не теряй время и ищи свободные деньги. Миллиона два. Не меньше. И понятно, не в рублях».

«Для кого?»

«Для „Ручья“. Для мой дочерней структуры. И не пугайся, пожалуйста. Это вовсе не выброшенные на ветер деньги. Оплатишь пакет акций „Бассейна“, купленных „Ручьем“, там ведь как раз тридцать процентов.

И пожаловался, наконец:

«Копают под меня, Константин Николаевич. Сильно, с перспективой копают. Кое-кто очень хотел бы переориентировать финансовые потоки „Бассейна“. Понимаешь? А нам этого не надо. Ох, не надо. Ты всей шкурой должен это почувствовать. Если взлетят цены на перевозки, тебя Анатолий Борисович точно попросит написать заявление. А вот если ты поможешь мне... И именно сейчас... Если не позволишь свалить меня... Вот тогда предоставлю твоим энергетикам самый льготный режим. А найдете способ докупить акций до контрольного пакета, еще и перевозки для себя удешевите».

Плетнев спросил:

«Кто на тебя давит?»

«КАСЕ».

«Это „Орион“ и все прочие?»

«Ну да, – кивнул Липецкий. – И „Орион“, и „Мастер Бренд“, и „Сталик“. Заметь, раньше они речниками не интересовались. Да и Кузнецов, директор КАСЕ, не сильно интересовался рекой. Ему политика была ближе. Финансировал выборную кампанию губернатора. Потому ему и позволяют сейчас лезть в дела, зависящие от областной администрации. Скажем, в заказы для бюджета. Но сейчас у Кузнецова сложности. И не малые. Втягивание чужих денег в клубок проектов растет, а возврата практически никакого. Вот пытается сговориться с мингосимуществом, еще одним акционером „Бассейна“. Учти, если они объединятся, контрольный пакет запросто может оказаться у них».

«А ты?»

«Ну, я тоже не дремлю, – усмехнулся Липецкий. – Я через дочернее предприятие, через тот же „Ручей“, уже скупаю акции „Бассейна“. Но аппетиты Кузнецова растут, он вошел во вкус, метит на мое место, хочется ему проводить в регионе собственную финансовую политику. Другими словами, хочет залезть двумя руками в карман „Бассейна“. На Кузнецове долги, ему надо срочно гасить кредиты. Сама жизнь подталкивает его к активным действиям. Так что, Константин Николаевич, настоятельно советую срочно выкупить акции у „Ручья“, а то уплывут, ох, уплывут...»

Плетнев понял опасность.

Уже через три дня солидный пакет акций «Бассейна» благополучно ушел к энергетикам.

– Понимаешь теперь, зачем понадобился в Энске? – ухмыльнулся Элим.

Льстил, конечно. Грубо льстил. Все еще надеялся на коньяк.

– У Липецкого куча своих юристов и аналитиков, но все они занимаются текучкой, повседневщиной, понимаешь? Они не такие уж доки, у них нюх притупился. А нужна рука, набитая на острых ситуациях, нужны острые умы. Как у нас с тобой, – подмигнул Золотаревский и выложил на стол тоненькую папку. – Здесь устав Общества, учредительные документы, план приватизации, условия размещения акций, документы по регистрации проспекта эмиссии акций. Здесь же документы на права собственности имущества, Положение о совете директоров, о Правлении, уставные документы «Ручья» и «Бассейна», протоколы заседаний совета директоров и все прочее.

Опять подмигнул:

– Изучи.

3

В кабинете генерального Элим притих, черные глаза налились неожиданной строгостью. Когда Липецкий нервно заорал на длинноногую секретаршу: «Какие к черту журналистки? Чего это ты? Никаких журналисток!» – укоризненно покачал головой. Но видно было, что ничего особенно необычного в поведении Липецкого он не видит. Ну, нервничает человек. Как бы залюбовался даже. Невысок, плотен, жесты резкие. Редеющие волосы не тронуты сединой, хотя пятнадцать лет Липецкий отстоял на мостике крупного толкача. В серых глазах настороженность. Успокаивая генерального, юрист ухмыльнулся. «Покрыл пол лаком, прилипли ноги. Слышал? Отодрал ноги, прилипли руки. Так и бывает. Отодрал руки, пришла Светка. Отодрал Светку, опоздал на работу. Всегда так».

Липецкому анекдот не понравился.

А Семину не понравилась обстановка.

В просторном предбаннике сидела перед новеньким компьютером деловитая, но такая длинноногая Оксана, что, казалось, юбки на ней нет вовсе. По коридорам прогуливалась внутренняя охрана. Время от времени Липецкий приглаживал пряди, но они снова падали на тронутый морщинами лоб. Пластиковые полки с документами, диаграммы на стенах, огромная люстра настоящего хрусталя, заваленный бумагами рабочий стол, еще один – для заседаний. Вся дальнюю стену занимал гигантский аквариум. Поразительный, следует заметить, аквариум: стекла тонированные. «Это кто же там плавает? Акула? Водяной?»

Генеральный устроился за столиком, появились чашки, коробка с конфетами. К Семину Липецкий сразу начал обращаться на ты. Хотел, наверное, подчеркнуть приватность беседы. Дружески кивнул Элиму, вызвал Акимова. Председатель совета директоров ОАО «Бассейн» держался прямо, выправка офицерская. Служил когда-то на подлодках, к речникам попал по специальному направлению. Была такая эпоха в истории страны, когда укрепляли речников опытными флотскими. Плечистый красавец, белая прядь на левом виске, будто опытный визажист махнул кисточкой. Но в серых глазах растерянность. Семин эту растерянность уловил и по рукопожатию Акимова – какому-то слишком уж быстрому, нервному. Казалось, все в кабинете генерального напитано электричеством. И по глазам Акимова было видно, что ему явно не нравится начатая оппонентами игра. Он недовольно повел носом, учуяв наплывающий со стороны Золотаревского запах перегара, но сдержался, промолчал. Может, он и вышел бы из игры, но упустил, ох, упустил нужное время. Теперь, когда акции «Бассейна» перешли к энергетикам, когда консорциум КАСЕ определил конкретные цели, выйти из игры было невозможно. Председатель совета директоров ОАО «Бассейн» это понимал, и это било по его самолюбию. Он ведь отлично знал, что для того, чтобы эффективно контролировать крупное предприятие, нынче совсем не обязательно его покупать. Пусть себе остается в руках государства. Надо лишь посадить нужных людей в руководство и направить прибыль по нужным каналам. Чего, кстати, и хотели оппоненты. Они ведь собирались приватизировать не сам «Бассейн», а его прибыли. В этой игре Акимов уже не мог им помочь, поэтому срочным указом мингосимущества его и заменили другим чиновником.

– Вот смотри, Андрей Семенович, – хмуро подчеркнул Липецкий. – Сотрудники мингосимущества, как представители государственной структуры, казалось бы, должны энергично пресекать любые попытки монополизации. Так ведь? Но когда КАСЕ через подставных лиц скупал акции «Бассейна» и перераспределял по своим предприятиям, мингосимущество этого не замечало. Точнее, как бы не замечало. А вот когда мы начали встречную, мингосимущество сразу обвинило нас в попытке монополизировать речной транспорт. Как тебе такое? Понимаешь, кому выгоден нынешний переворот в «Бассейне»? Ведь мы только-только начали вставать

на ноги. Пока пароходы ржавели на приколе, пока о доходах речи не шло, КАСЕ нас не замечал. Ну, пароходство и пароходство. Но когда в прошлом году наши доходы вдруг превысили треть миллиарда, прибыль резко пошла вверх, дебиторская задолженность превысила кредиторскую...

Семин внимательно присматривался к Липецкому.

Ну да, говорит доходчиво. Так многие умеют. Лично для Липецкого Семин и пальцем бы не пошевелил. Что ему Липецкий? Что ему Иванов, Петров, Сидоров? Лишь бы работало предприятие, лишь бы энергетики не терпели ущерба.

– Сколько акций сосредоточено в руках КАСЕ?

– Около тридцати процентов, – ответил Липецкий и настороженность в его глазах утихла. – Они сейчас скупают все, до чего могут дотянуться.

– Откуда у них свободные деньги?

– Валютный кредит, – во время подсказал Золотаревский. На поданный секретаршей чай он смотрел с отвращением, конфеты отодвинул. Но за разговором внимательно следил. – В прошлом году КАСЕ получил крупный кредит.

– В каком банке?

– В «Дельте».

– Солидный банк.

Семин перевел взгляд на Акимова:

– Получается, что мингосимущество освободило вас, как обыкновенного чиновника?

– Получается. Но Председателя совета директоров нельзя просто так освободить. Меня можно только переизбрать. На общем собрании акционеров.

– Значит, освободили вас незаконно.

Семин почувствовал, как все сразу насторожились, а Золотаревский сунул руку в карман. Возможно, включил диктофон. Впрочем, диктофон работал и в собственном кармане Семина. С самого начала беседы.

– Мингосимущество не имело права освобождать вас. Так они могли поступить в девяносто третьем или в девяносто четвертом годах, в разгар приватизации, но сейчас, насколько я понимаю, никто ничего не приватизирует.

Получил настороженный кивок от Акимова, повернулся к юристу:

– Завтра, Элим Яковлевич, подайте соответствующую жалобу в суд. Пусть мингосимущество докажет, что оно имеет право убрать Председателя совета директоров указом...

– А если докажет? – вырвалось у Акимова.

– Вряд ли. Да и время на это потребуется, – сухо усмехнулся Семин, и опять повернулся к юристу: – Чем люди КАСЕ так потрафили людям мингосимущества?

– Скорее всего, взятка.

– Вряд ли они довольствовались только взяткой.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался Акимов.

– Перспективу.

– Это точно, – согласился с Семиным Липецкий. – КАСЕ собирается проводить внеочередное собрание акционеров «Бассейна». Уже начали кампанию. Дескать, пора вытряхивать из Общества старое руководство?

– Кого они прочтут на ваше место?

– Все того же Кузнецова.

– А как губернатор смотрит на сложившуюся ситуацию?

– Да никак. Кузнецов ведь финансировал его выборную кампанию.

– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул Семин. Диктофон в его кармане работал. – Кузнецов финансировал выборную кампанию губернатор. А разве бюджет не имеет долгов перед энер-

гетиками? Разве энергетики не могут топнуть ногой? Ссориться с губернией, конечно, никогда не стоит, но есть такой проверенный способ давления, как веерные отключения предприятий.

И снова повернулся к Золотаревскому:

– Вы дополните, Элим Яковлевич?

Юрист кивнул.

– Если энергетики останутся только с пакетом акций, перекупленным у «Ручья», – дополнил он, – мы не сможем по-настоящему вам помочь, Николай Иванович. Вас точно съедят. Как юрист говорю. Можно, конечно, обеспечить кучу судебных тяжб на весь навигационный период, резко помешать планам КАСЕ, но для устойчивого положения удобнее все же попросту склонить мингосимущество на свою сторону. Ну, скажем, через ту же областную администрацию. Два месяца назад, помните, энергетики на расширенной коллегии правительства области докладывали о закладке в Благушино нового речного порта? Это существенно расширяет перспективу развития северных районов и резко увеличивает грузооборот «Бассейна». Завоз материалов, оборудования, продуктов, то да се, флот становится нужным всем. Вот это и должно послужить важным элементом давления на губернатора. – Он ухмыльнулся. – Такую работу я уже веду. Послезавтра Плетнев и вы, Андрей Семенович, записаны на встречу с первым замом губернатора.

– С Владимиром Алексеевичем?

– С ним, – кивнул Золотаревский. – У него есть собственный план выхода из кризиса. Он лицо весьма и весьма заинтересованное. Ведь последствия экономических потрясений отзовутся прежде всего на нем самом. А еще... – юрист покосился на Семина, – Думаю, что томская прокуратура непременно заинтересуется жалобой одного частного акционера...

– Кто такой?

– Колотовкин Виталий Иванович. Человек уважаемый, деловой. Владеет благушинской заправкой. Она, правда, пока не работает, там на подходе к ней затонула баржа, но ведь это мелочи. Вообще учтите, Николай Иванович, – ухмыльнулся он, – как только вы займетесь строительством новой перевалочной базы, вы везде начнете наткаться на собственность Виталия Ивановича. В районе у него все подобрано и приватизировано. Вот только затонувшая баржа мешает... Понимаете? Перекрыла проклятая все подходы к заправке... Надо бы помочь...

– Подумаем, – сухо кивнул генеральный.

И попросил, отпуская присутствующих:

– Андрей Семенович, задержись.

4

– Кофе?

– Нет, спасибо.

Семин ждал вопросов, но генеральный задержал его не ради беседы. Просто не хотел оставаться с журналисткой наедине. Она своего добилась, ждала в приемной. «Та еще жопа!» Искал поддержки. Быстро спросил: «Надо ли вообще встречаться с журналистами?»

– Обязательно.

– Но зачем? Они же все врут.

– А чтобы они видели, что вы не боитесь их вранья. – Семин улыбнулся: – Давно водите парходы, Борис Сергеевич?

– Это в каком смысле?

– Ну, в смысле, давно руководите речниками?

– Да почти двадцать лет. Эта жопа... – Липецкий никак не хотел выбросить из головы журналистку. – Она еще в детский садик ходила, когда я получил звание заслуженного капитана...

– Вот и подчеркните это. Пусть почувствует, что хозяин здесь вы.

5

Подсказки Семина генерального взбудрили.

Отвечай он так всегда, усмехнулся Семин, журналисты к нему ломались бы.

И решил: надо в ближайшее время натравить на него журналистов. Самых злых. Пусть шумят. Странно, что Липецкий боится какой-то мымыры с диктофоном. И включил незаметно свой, спрятанный в кармане. Полина Иванова. Ударение на первый слог. Такая вот хищница прессы. Зубки мелкие, как у грызуна. Но никто ведь не говорит, что грызуны уродливы. А у этой Полины Ивановой круглилась грудь, торчали колени, пылали огненные волосы, стриженные под площадку. На Семина она посмотрела вскользь, не заметила.

– В советское время целью всех организаций и предприятий являлось построение коммунизма, да? – улыбнулась журналистка. – Или утверждение развитого социализма, да? Или повышение благосостояния всего народа, счастье для всей страны, да? А вы, Николай Иванович, помните, что сказано в Уставе ОАО «Бассейн»?

– Еще бы.

– И можете процитировать?

– Почему же нет? Пожалуйста. *«Основной целью Общества является получение прибыли...»*

– Не режет слух?

– Общество существует для того, чтобы его акционеры получали доходы.

– Красиво сказано. Это вам принадлежит заправочный пункт в селе Благушино?

– Нет, не мне, с чего вы взяли? – генеральный медленно наливался гневом. – «Не режет»... «Красиво»... А вы в курсе наших многочисленных благотворительных акций? Вы знаете, например, что «Бассейн» здорово помог НИИ фармакологии? И что это именно мы поддержали областной Дом детского творчества? И создали специальный фонд для поддержки городских культурных программ? А помните большой концерт Ларисы Долиной? В Энске ее впервые услышали благодаря нам. А о том, что наши ветераны получают пенсии, позволяющие им посещать такие дорогие концерты, вы знаете?

Кажется, журналистке было все равно, что говорит генеральный. Она специально провоцировала генерального. Семин остро чувствовал, что она ведет какую-то свою игру. Судя по злобным репортажам в газетах (он успел кое-что увидеть в папочке Золотаревского), игру оплачивали весьма состоятельные заказчики. Полина Иванова откровенно не слушала ответов Липецкого. Всю эту беседу с ним она уже, наверное, сочинила.

– А вы знаете, Николай Иванович, что в казино, открытом на территории речного порта, неделю назад нашли сразу два трупа? Оба с огнестрельными ранениями. Кажется, казино было открыто с вашего личного благословения, да? А детский садик номер девять на улице Портовой наоборот закрыт был с вашего личного благословения, да? И медицинский пункт при ведомственной гостинице закрыт вашим приказом.

– Детский садик переведен в новое здание, а медицинский пункт при ведомственной гостинице себя не оправдывал.

– Зачем же понадобилось казино на территории порта?

– Мы сдали в аренду пустующее помещение.

– Я так и объясню читателям.

– Тогда, может, вам интересно поговорить с человеком со стороны? – Липецкий агрессивно кивнул в сторону Семина. – Видите, у него в руках ваша газета. Не знаю, нравятся ему лично ваши материалы или нет, но газету он просматривает.

Журналистка, наконец, заметила Семина, но интересовал ее не он.

– Вы согласны с тем, что в новый директорат «Бассейна» должны войти молодые инициативные специалисты?

– Почему бы и нет? – согласился Липецкий. – Но не мешало бы им иметь опыт управления.

– Как вы лично относитесь к господину Кузнецову?

– Никак не отношусь. Мы не родственники.

– Но вы же понимаете, что следующим хозяином этого кабинета может оказаться как раз господин Кузнецов? Уже и собрание акционеров назначено.

– Вряд ли оно состоится.

– Почему?

– А вот спросите рядового акционера, – опять схитрил Липецкий.

Журналистка критически оглядела Семина:

– Так вы не просто читатель?

Семина улынулся. И извлек из кармана два листка.

– Видите?

– Вижу гриф мингосимущества, – заинтересовалась журналистка.

– Это официальное приглашение акционера на собрание. Видите? Все акционеры должны получить такие приглашения. Вот дата, вот точный адрес. *«Уважаемый такой-то... В связи с проведением такого-то числа внеочередного собрания акционеров ОАО «Бассейн» приглашаем вас прибыть...»* Разборчиво и понятно. Всем акционерам «Бассейна», поддерживающим инициативу деятелей КАСЕ, разосланы такие разборчивые приглашения. А теперь взгляните на это. Оно адресовано мне, – приврал Семина, – акционеру, не любящему потрясений. Кстати, таких у нас большинство. Видите?

Он показал бумагу все с тем же грифом. Только здесь после персонального обращения к акционеру теснилась на бумаге совершенно нечитаемая электронная белиберда, шумерская грамота, алфавит идиотов – таинственные значки, действительно мертвая азбука.

– Это что? Сбой компьютера?

– Не знаю. Но такую бумажку получили многие. Хотя рассылает почту самый обыкновенный живой секретарь.

– Вы здешний? – что-то заподозрила журналистка.

– Нет, я из Омска, – спокойно соврал Семина. Он знал, что Полина Иванова все равно не будет им заниматься. – Я тревожусь. Денежки-то мои. Вот приехал. Николай Иванович объяснил мне ситуацию.

– Могу я процитировать вас в газете?

Карие глаза журналистки зажглись. Знала заранее, что цитировать не будет, но смотрела на Семина с некоторою страстью. Верила, наверное, что процитирует.

6

– С тобой не соскучишься.

Юрист с тоской взглянул на стойку буфета (они зашли перекусить в кафе).

Дипломат с прихотливой монограммой ЭЯЗ в верхнем левом углу, он поставил прямо на стол.

– Пока ты болтал с журналисткой, я смотался в гостиницу. Твои вещи лежат в багажнике. Номер подпалился, от вещей на версту тянет гарью. – Золотаревский мстительно повел глазами: – Ты фетишист? Зачем таскаешь с собой дамскую сумочку?

И выложил сумочку на стол.

Конечно, он знал, что Мария в номер Семина попала случайно.

Но Семин и не собирался ничего объяснять. Бесцеремонно вытряхнул содержимое сумочки на стол. Связка ключей, конфета, косметика, мятый платочек, разменная монета, губная помада, но ни кошелька, ни хотя бы поддельного гостиничного пропуска. Правда, завалялась в боковом карманчике визитка на имя некоего Петренко Иосифа Владимировича, дизайнера.

Вынул сотовый, набрал номер:

– Иосиф Владимирович?

– Слушаю.

– Я ищу Марию.

– И что же?

– Может, подскажете телефон?

– А зачем? Она сама здесь, – удивился неизвестный дизайнер.

Было слышно, как он где-то там крикнул: «Мария!» И почти сразу прозвучал хрипловатый голос:

– Да?

– Я, наверное, помешал?

– Пожалуй, да. Мы обедаем.

– Иосиф Владимирович – ваш муж?

– А почему это вас интересует? Мы знакомы?

– Меня зовут Андрей Семин, – он не помнил, называл ли в гостинице свое имя. Кажется, не называл. – Мы виделись утром. Во время пожара. Я помог вам выбраться из лифта, а потом спуститься по пожарной лестнице. Вы потеряли сумочку, я хочу вам ее вернуть.

– Зачем?

– Но это же ваша собственность.

– Но вы, небось, уже рылись в ней?

– Только чтобы найти ваши координаты.

– Я оставляла вам телефон...

– Нестойкая помада, – разозлился Семин. Приколы гостиничной проститутки его достали. Он пожалел, что начал разговор на глазах нагло ухмыляющегося юриста. – Что мне делать с сумочкой?

– Бросьте ее в мусорный бак.

Отступление второе. Конец света Лето, 1989 год

1

По окончании Томского университета Виталия Колотовкина распределили в село Благушино. Школа большая, работать интересно. События наваливались одно за другим. В Германии рухнула Берлинская стена, в России ввели сухой закон. Газеты обсуждали конец света. Это считалось делом как бы даже уже решенным. Называли точную дату – 28 июня 1989 года. Виталий, понятно, в тот же день кинулся к председателю сельсовета. Всесоюзный староста (как еще можно прозвать человека, носящего фамилию Калинин?), сердито поправил полувоенный френч: «Ну, зачем баламутить народ, Виталий Иванович? Все это суеверия, капиталистическая брехня. Это у них наступает конец света. А у нас – новая жизнь».

Всесоюзный староста ценил учителя Колотовкина, но ни в грош не ставил его неисчерпаемый энтузиазм. То Колотовкин организует пятиклассников на сбор стеклотары, чтобы купить учебные пособия, то ведет их на сбор первых «огоньков», чтобы продать романтические таежные цветы балдеющим пассажирам белых прогулочных катеров. Нехорошо как-то... Калестинов, директор, а по совместительству парторг школы, например, прямо заявил: «Ты, Виталий Иванович, угомонись. Не член партии – да, но выгнать можно просто из школы».

Газеты подробно рассказывали, как в день конца света Соединенные Штаты Америки провалятся под землю, а небольшое уцелевшее снесет могучим ураганом в колеблемый ветрами океан. Старушку Европу покроют взбаламученные зыби, из которых будет торчать ржавая Эйфелева башня. И все такое прочее. Правильный комментарий дала главная газета страны – «Правда». В стране – перестройка, указала газета. В стране гласность, в стране ускорение. Конец света – это не наш хоккей. Такой хоккей нам не нужен. Вы прикиньте, указывала газета, как далеко друг от друга находятся Япония и Бразилии, как же это они могут провалиться под землю одновременно? По таким бесстыжим сочинителям психушка плачет. Ну, не в том смысле, конечно, как при товарище Андропове, оговаривалась газета, но все равно.

Виталий, учитывая комментарий, намекнул Всесоюзному старосте: «Вот, дескать, Россия раньше прирастала Сибирью, а теперь уже Сибирь начнет прирастать...»

«Чем?» – быстро спросил парторг.

«Ну, как чем? – так же быстро ответил Виталий. – Сами знаете».

Будущему концу света радовался в Благушино один только попик отец Борис, прозвище Падре. Человек плюгавый и суетливый, он елеинным голоском ниспровергал всякие прогрессивные мысли, а в пьяном угаре прямо давал понять, что *Он* там наверху, на небесах, ясный хрен, прислушивается лично к советам отца Бориса. Не зря, например, Падре посещал открытые партийные собрания. Приходил, садился в сторонке. Несло от черной рясы попаки ладаном, перегаром, бензином. Ладан и перегар – профессиональное, а вот бензином несло от большой немислимой зажигалки. Вся в каких-то механических выступах и в колесиках, могла вместить в себя стакан авиационного керосина. Боялись курить рядом с Падре, неровен час – подорвется?

2

Сизая зубчатая тайга подпирала село с севера.

Как Великая китайская стена, тянулась тайга и по восточной стороне, нигде не начинающаяся, нигде не кончающаяся. Параллельно ей тянулась улица Береговая, вся пропах-

шая мыльными ароматами цветущего багульника. На пыльной площади – сельсовет, над ним выцветший флаг. Зимой на болотах белые, как бельма, пузыри газа, летом с кочкарников кислый дух. Большой край. Что ему конец света?

Старые дед и бабка Колотовкины давно умерли, дом развалился.

Виталий жил теперь у стариков Петровых. Тесно и душно было в селе. Доярки и скотники, механизаторы и рыбаки, сопливые дети и пьяные родители, глухие старики и беременные бабы – все тут матерились осенью, меся сапогами густую грязь, все матерились зимой, хлопая рукавицей о рукавицу, и ничуть не слабей посылали друг друга по весне, когда безбрежная река затопляла пойменные луга, оставляя где пару шучек, а где и дурачков-карасиков. Нравственности в Благушино не существовало, это Виталий обнаружил быстро, зато процветали нравы. Ежели, скажем, учитель литературы и русского языка Ксаверий Петрович утром не появлялся на уроках, это означило одно – захворал Ксаверий Петрович, задавила его водочка. Но выйдя из запоя, Ксаверий Петрович непременно спрашивал: «Ну что продолжим?» И в ответ на испуганное молчание говорил: «Так на чем мы остановились в прошлый раз?»

Класс хором отвечал:

«На стихотворении Пушкина».

«Ну, это так, – соглашался Ксаверий Петрович. – Это хорошо, что на стихотворении. Но на каком? У Пушкина много стихотворений».

«Про телегу!» – громко отвечали крестьянские дети.

«Про какую еще телегу?» – недоумевал учитель, потирая вспотевший лоб.

«Ну, про телегу жизни. Там, где лирический герой. Ну, это... Он там матом ругается».

«А! – вспоминал Ксаверий Петрович. – Наверное, без меня Колотовкин занимался с вами?»

«Он! Он!»

И действительно. Везде успевал Колотовкин.

«В Греции, например, – пытался расшевелить Виталий директора школы Калестинова, – все есть. Я знаю в Томске массажистку, ей один больной говорил. Давайте создадим в селе постоянно действующий стройотряд. На нужды школы. Заключим пару договоров, отремонтируем классы. А останутся деньги – всем селом отправимся в Грецию».

«Как это всем селом? – дивился директор. – Это же восемьсот дворов!»

«Ну, мы возьмем только тех, кто работает на отлично».

«Скотник Вешкин работает на отлично, – осторожничал директор. – Его тоже возьмем с собой? Он Грецию там пропьет».

«Ну не возьмем Вешкина».

«Но он работает хорошо».

«Как же такое решить?» – заходил в тупик Виталий.

«А вот сиди и не прыгай».

3

Из Благушино до обитаемых мест добраться можно было только Рекой.

Правда, подобием заболоченного проселка иногда пользовался Гоша Горин – местный почтальон. На колесном тракторе «Кировец» он умудрялся проезжать прямо в районный центр. При этом страшно гордился, что ни разу не проделал указанный путь без аварии. Его знакомую Ляльку, совхозную кладовщицу, при первой встрече надсмеявшуюся над невеликим ростом учителя Колотовкина, Виталий в конце концов покорил прямоотой. Мол, рост – это ерунда. В постели, мол, все одного роста. Вычитал красивую фразу в книжке, а получил по морде. Но уговорил, уговорил однажды Ляльку зайти к нему попить чаю. Лялька согласилась, но при этом все как бы не понимала происходящего, все спрашивала: да зачем? Что за

чай-то? Но село небольшое. Порядочной девушке, кроме как замуж, выйти некуда. Вот Виталий и уговаривал. Лялька под его руками все млела и таяла, а все равно как бы не понимала, к чему чай-то? Да что за чай? Ужас как сильно Лялька походила на учительницу географии Светлану Константиновну, давно уехавшую из Благушино. У Виталия сердце замирало, когда Лялька крутила кругленьким задом – вылитая географичка. Бодро и бессмысленно повторял, подталкивая девку к пропасти: «А вот попьем чаю-то!» Так дрейфовали по ночной улице к затаившемуся темному домику, страшному, как волчья пасть. Напротив дежурного аптечного пункта (несмываемая гордость села, поставленная речным управлением) Виталий посчитал, что Лялька так упирается исключительно из-за известной девичьей боязни. Поэтому шепнул ободряюще:

«Ну вон мой домик. Иди. Там сейчас никого нет».

«А ты куда?» – испугалась Лялька.

«В аптечный пункт».

«Зачем?»

«К чаю возьму чего-нибудь».

Опять схлопотал по морде.

А еще снились Виталию странные сны.

Например, снилось много денег. Дождь накрапывает, серые кочкарники, марь, комары, на душе сумеречно, а на дороге – мешок. И видно, что набит большими деньгами. Просыпался – сердце стучит, чем-то неведомым дышит из тьмы, на душе смутно. Вот где заработаешь столько денег? Кто может столько потерять? И куда ухлопать такую прорву? Механизировать ферму? Построить новую баню? Приобрести учебные пособия, расширить библиотеку, пригласить с лекцией космонавта Гречко?

Вставал, распахивал окно.

Врывалось в комнату невнятное бормотание лягушек, некая птица испуганно вскрикивала, будто это она с той стороны распахнула окно и внезапно увидела перед собой учителя ботаники и географии Виталия Ивановича Колотовкина.

А над миром, над тысячеверстными болотами, над непроходимой тайгой, над разбросанными по берегам реки беспросветными сибирскими дереvушками – звезды, звезды... Тысячи звезд... Подмигивают...

4

День конца света начался с оглушительной духоты.

Первой на школьный двор примчалась Эллочка Шишкина (шестой класс), за ней лениво приплелся сын благушинского кузнеца – Кешка Власов (пятый класс), ленивый, черный. Дружной ватагой подтянулись молодые Вешкины – Ленька, Герка и Люська (соответственно пятый, шестой, седьмой классы). Явилась Люськина одноклассница Катька Яковлева. Озабоченно пробасила:

«Здравствуйте».

Кешка удивился:

«Чего такой голос?»

«Зеленую черемуху ела».

«От этого не голос садится».

«И это тоже», – загадочно согласилась Катька и исчезла.

Зато появились шумные близнецы Васеневы – Ванька да Игорек (оба – шестой класс), оба ладные и крепкие. Игорек сразу закричал:

«Элка, дура, разгадай загадку!»

«Да ну эти твои загадки, – отмахнулась Элка. – В каждой все жопа да жопа, ничего путевого!»

«Да ты чё? – обрадовался Игорек. – Никаких жоп!»

«Ну, давай. Чего там?» – нехотя согласилась Элка.

«Маленькое, зелененькое. Прыг да скок, прыг да скок. Что это?»

Элка подозрительно нахмурилась:

«Жопа, что ли?»

«Ну, ты совсем!» – не выдержал Игорек. Было видно, что Элка ему страшно нравится.

Элка нахмурилась еще подозрительнее:

«А если не жопа, то чего все прыг да скок?»

– Отставить! – ласково приказал Виталий. – В русском языке, Шишкина, есть много других хороших слов, не обязательно пользоваться только одним. Я вас собрал не просто так. Я вас собрал по делу. Сегодня ставим смелый научный эксперимент, а то уж сильно какое-то дохлое получается у нас место.

Он не преувеличивал. В Рядновке (а уж она совсем затерялась в болотах) громом разбило сосну, так на голом стволе явственно обозначился профиль Иисуса Христа. Конечно, парторг Калестинов объяснил людям, что вовсе это профиль не Христа, а профиль скотника Гриши Зазебаева, но ведь все равно как бы чудо.

А вот опять не в Благушино.

5

Устроились на завалинке.

Из открытых дверей школы несло масляной краской.

Из тех же дверей доносился хриплый голос: «Когда обои клеишь, главное, чтобы пузырей не было. Вот взяли мы как-то с Колькой два пузыря». Береза перед калиткой, промытая недавним дождиком, светилась пронзительной зеленью. Так же пронзительно зеленела трава. Близнецы Игорек и Ванька в шароварах и без рубашек пристроились на березовых чурбаках. Комары близнецов почему-то не трогали, в основном крутились над Элкой. Мать у нее работала бухгалтером, поэтому летом Элка носила настоящую городскую панамку и тонкую кофточку, чем выгодно отличалась от других босоногих дур. Элкин отец лет шесть назад вышел из дому за пивом и не вернулся. Говорили, что стал человеком, плавает в дальних краях на больших кораблях. Но кто знает? Элка, например, не знала. Но понимала близнецов Васеневых. Они жили без родителей, только с бабкой, и не было в их жизни никакой радости. В виде протеста они даже поджигали избу. К счастью, Виталий увидел дым. «Ох, убьете бабку!» Братаны хмуро кивнули: интересная мысль.

– Так вот, – Виталий шмыгнул носом, передразнивая Люську. – Некоторые зарубежные газеты утверждают, что именно сегодня начнется конец света. А может, уже начался, – посмотрел на часы. – Честно скажу, не знаю. Но если начался, нам его не остановить. А если все это вранье, то и совсем не надо тревожиться. Просто будем вести тщательные наблюдения за природой и за людьми. – Он раздал ребятам заранее припасенные карандаши и тетради. – Все наблюдения запишем точно и подробно. А потом сочиним большую разоблачительную статью и напечатаем во всех главных газетах Советского Союза. Таких газет у нас в стране не менее пяти тысяч, я так думаю. Если каждая заплатит по три рубля... – Он торжествующе оглядел ребят. – Да на такие деньги можно купить грузовик для школы! Понятно? Будем все учиться вождению, получим водительские права! Так что смело записывайте каждую необычную деталь. Что вас удивит, то и записывайте.

– У нас кукушка без перерыва второй день кричит за домом, – перебила Элка. – Как жопа. Совсем спятила.

– А ты и это запиши, только другими словами, – весело посоветовал Виталий. – Мы ведь не знаем, с чего начинается конец света. Может, прокукует твоя кукушка еще сто раз и...

– Что и? – испугалась Элка.

– Да ничего. Пять тысяч газет! Если даже по рублю заплатят...

– А нашей бабке обещают выдать ремень. Солдатский. Это записывать?

– И это запишите, – указал Виталий. – Вдруг с ремня все и начнется? Или, скажем, курица снесет квадратное яйцо.

Все удивленно посмотрели на Васеневых, а стыдливая Элка покраснела.

6

Рыба, жаренная на постном масле, дала о себе знать приступами изжоги и Виталий поспешил домой. Только перед сельсоветом придержал ход. Он всегда там задерживался. Там стояла в сухой траве бетонная крестьянка с серпом в руке, с охапкой пшеницы в другой. Конечно, охалка давно выкрошилась, и каменный нос выкрошился. Крестьянка напоминала старуху-смерть, из каких-то своих соображений сменившую косу на серп. Даже понятно было, за кем она сегодня пришла. Да, конечно, за бетонным пионером, зимой при расчистке сильно поврежденным колесным «Кировцем» Гоши Горина.

«Ветерок», расположенный на притопленной у берега барже, был еще закрыт.

Надо заглянуть вечером, хмыкнул про себя Виталий, а то, может, правда, в последний раз. В «Ветерке» колдует, бормочет за стойкой Павлик Мельников. Умница, полиглот. «Я у вас, – колдует, – как та курица, что несет золотые яйца».

Его и прозвали – Золотые Яйца.

Но вообще в «Ветерок» заглядывали многие. Даже директор и парторг Калестинов.

Как-то в областном управлении КГБ в Томске собрали лучших сельских учителей. Тактично рассказали про главные идеологические ловушки последнего времени: о так называемом писателе Солженицыне («Совсем Родину забодал!»), о наглых диссидентах («Они все по тюрьмам да по тюрьмам, а нам их кормить!»), об академике Сахарове («Совсем спрыгнул с ума!»), а под конец самым активным и разговорчивым вручили памятные бюсты. Честно говоря, Калестинов положил глаз на Пушкина – кудрявого, черного, блестящего, как оливковым маслом облитого, но достался ему Карл Маркс. Поблагодарив офицеров за оказанную честь, директор взял главного экономиста земного шара за уши. Он не знал, как правильно поднимать тяжелые чугунные бюсты, потому и взял за уши. Все деликатно отвели глаза в сторону, а Калестинов обмер. Плечи бюста оказались отлитыми отдельно, то есть чугунная голова просто всаживалась между чугунных плеч, как в воронку, вот голова и оторвалась. Вернувшись в Благушино директор Калестинов самолично приварил чугунную голову к чугунным плечам. А потом учредил приказом по школе переходящий литературный бюст – за лучшее годовое сочинение на свободную тему. Так и указал: «*Учредить переходящий литературный бюст (Карла Маркса) имени поэта Пушкина*». В приказе также было отражено, что смельчак, завоевавший бюст трижды, получит его навсегда. Как бразильские футболисты золотую Нику.

Но никто Маркса не завоевал.

Был шанс у грамотея Гоши Горина, но когда возникла такая реальная угроза, он бросил школу и устроился почтальоном.

7

Дома Виталий сразу кинулся в туалет.

Впрочем, в аккуратный деревянный домик, поставленный в самой глубине двора, он сразу не вошел. Сперва на секунду приоткрыл дверь. Знал, что над толчком непременно кру-

жит десятка три комаров. Стремительно ухватив заткнутую за ручку газету, так же стремительно припустил через огород на край высокого обрыва. Там кедр стоял, как шатер, ветвями распространялся во все стороны света. Садись и бодрствуй! Никто в таком необычном ракурсе не угадает снизу учителя.

Развернув обрывок газеты, увидел: «*Закон о кооперации*».

Вчитывался и никак не мог понять прочитанного. Само сочетание слов казалось диковатым, противоестественным. Как это – закон, когда кооперация? Неужто так далеко зашла недавно объявленная перестройка? Ускорение – это еще куда ни шло. Но кооперация! Так и решил: новый обман, вводят новые строгости. Начнут, скажем, вешать старух за спекуляцию дрожжами. А торгующих вязаными носками, выселят на арктический остров. Вот тебе и кооперация!

Но странными предчувствиями потянуло.

Вспомнил, как в детстве добывал жалкие рубли с помощью партийного секретаря товарища Ложкина. И как однажды пытался продать домового. Ночью из рогатки чуть не убил деда, принесшего ему воды. И как в университете ездил со стройотрядами по стране. Но толкуто! Заработаешь много, а получишь все равно мало. Неужели теперь разрешать зарабатывать людям? Я бы Ляльке купил бронепоезд. Чего ему стоять на запасном пути?

Дохнуло на Виталия чем-то тревожным.

Захотелось побежать к Павлику Мельникову.

8

Весь день ходил сам не свой.

Кооперация! Как так? Не верил. Не мог поверить. Тут всю жизнь прыгаешь, ухватишь кусок, а он все равно не дается. Родился бедным, умрешь сытым. Вот и всех делов. Это в Америке можно начать с чистки обуви и заработать миллион. Американская мечта называется. А у нас? Вот сделали революцию, чтобы не было богатых. Ну нет их, что нам с того? Еле дождался вечера. Встретил на дороге попика:

– Чего это вы не в «Ветерке», Падре?

Попик перекрестился:

– Выбросили меня.

Из «Ветерка» действительно несло крепким веселым дымом, слышались возбужденные голоса. – «Да не вернется твой сраный Падре!» – кричал костлявый Савельев, плотник из РСУ, дикому бородатому скотнику Федору Вешкину. Скотник плохим голосом отвечал: «Непременно вернется». – «Да зачем ему возвращаться? Ты же ему наподдал!» – «Все равно вернется». – «Да почему?» – «А я ему говнодав подменил. Левый. Он в моем ушел говнодаве, а нога у него на два размера больше».

Кто-то обернулся, кто-то сделал Виталию ручкой, кто-то улыбочкой выразил уважение. Пусть там пестики, тычинки, моря, океаны, проливы, бактерии, все равно – учитель. Ребятишки зависят от его настроения. Молодой, но уже лысый от большого ума Павлик Мельников за стойкой (деревянный прилавок, покрытый цинковым листом) кивнул:

– Их гратулирен. Поздравляю. Вот интеллигентный человек пришел.

– Ну, не знаю, – не согласился с Золотыми Яйцами скотник Вешкин. При внезапной улыбке тускло сверкали изо рта белого металла зубы.

– Кофе можно? – спросил Виталий.

– Откуда я знаю, можно тебе кофе или нельзя?

Мужики заржали. Павлик, гордясь веселой шуткой, добавил:

– Бери коктейль. У меня хороший коктейль. «Солнечный».

– Твоим коктейлем от запоев лечить.

– От запоев это к святому Вонифатию, – возразил Павлик. – Или, скажем, к Моисею Мурину.

– Еврей? – насторожился скотник.

– Святой, – вежливо пояснил Павлик.

– А мне все кажется, что лежит кто-то у меня под кроватью дома... – неназойливо, но все тем же плохим голосом пожаловался скотник. – И дышит... Дышит...

– А ты ножки отпили у кровати.

– Ладно, давай свой коктейль.

Томило Виталия странное слово. *Кооперация*. Понять не мог. Вдруг правда разрешат за сделанную работу получать столько, сколько заработал, а не столько, сколько положено по старому закону? Виталий с детства мечтал хорошо зарабатывать. А то ведь ни девчонку пригласить в кино, ни маме подарок на день рождения, ни скинуться с приятелями, ни книгу купить.

– Давай свой коктейль. Только без лимона.

– Без лимона никак нельзя, – возразил Павлик, обильно посыпая противный желтый кружок сахаром. – Дас ист лейдер унмёглих. Сухой закон. – Даже пояснил доброжелательно: – Чем быстрее наживешь язву, тем быстрее начнешь ее лечить.

– Да не лей ты вермут в водку!

Виталий чувствовал на себе множество сочувственных взглядов. Под каждым столиком, знал, припрятан мутный самогон от Анисихи. Никого особенно не интересовало, нальет учителю Золотые Яйца водки без вермута, или не нальет, но всех интересовало, попробует ли сегодня учитель самогона?

– Да не лей ты вермут. У меня изжога от него.

– Дас ист лейдер унмёглих, – строго повторил Павлик. – Учись пить культурно.

Говорили, что когда-то Павлик работал барменом в томском ресторане «Север».

Говорили, что хорошо работал, но однажды залетел на продаже левой водки, схватили Павлика за нечестную руку. Понятно, повезли в участок. «А вы, братья-милиционеры, пробовали коньячок, которым сам Сталин баловался?» Оказывается, братья-милиционеры ничего такого не пробовали, и на призывы попробовать не откликнулись. Пришлось пережить суд, многие унижения, а потом еще ехать в Благушино. Пристроился при «Ветерке», изучал немецкий язык. Последнее местным мужикам здорово нравилось. «Зачем тебе язык, Павлик? Мы немцев уже победили». А скотник Вешкин мог неожиданно сказать: «Эй, херр! Ейнен мне халбен литер водка!» И кривым пальцем еще прищелкнуть: битте! При хорошем настроении Павлик плескал скотнику граммов пятьдесят, но если даже и не плескал, все равно было весело, хотя сам Золотые Яйца веселым характером не отличался. Даже в самые добрые минуты что-то глубоко нечестное таилось в водянистых прищуренных глазах бывшего бармена Павлика Мельникова, в странном жесте, будто он хочет, но почему-то стесняется почесать высокий лоб. Во всей его пронырливой фигуре чувствовалось что-то глубоко городское, глубоко нечестное. Рассказывали, что, проработав в Благушино три месяца, он явился к Всесоюзному старосте и заявил: «Хочу рекомендацию». – «Это куда?» – резонно удивился Калинин. – «В ряды великой Коммунистической партии». – «Ну и хоти. Хотеть не вредно». – «Значит, дадите рекомендацию?» – обрадовался Павлик. – «А вот поработай скотником годика два». – Подобная перспектива Павлика не устраивала, поэтому пошел он к школьному парторгу: «Вот знаете, чувствую себя коммунистом». – «Прекрасное ощущение», – согласился парторг. – «Дадите рекомендацию?» – «На курсы механизаторов?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.